

ПОВѢСТИ

БАЛЬЗАКА.

Переводъ съ Французскаго.

ПОВѢСТЬ ПЕРВАЯ.

НАСЛѢДСТВЕННАЯ МЕСТЬ.

(La Vendetta)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

ПОВѢСТИ

БАЛЬЗАКА.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ,

ИЗДАНЫЯ

Г. БАЛЬЗАКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Б. и Л. К.

Ч А С Т Ъ I-я.

САИКТПЕТЕРБУРГЪ,

при Императорской Академии Наукъ.

1852.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра.

С. Петербургъ, 4 Октября 1851 года.

Ценсоръ *Василій Семеновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

отъ переводчиковъ.

Между новѣйшими Французскими писателями, Г. Бальзакъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ нынѣ мѣсто весьма почетное, какъ по искусству возбуждать въ высшей степени участіе читателя силою воображенія и глубокими чувствованіями, такъ и по счастливымъ оборотамъ выраженій, ярко отпѣляющимъ самыя тончайшія отношенія мысли. По слогу, писатель сей можетъ назваться самообытнымъ: слова, удачно употребленныя въ несобственно ихъ значеніи, сравненія совершенно новыя, или облеченныя въ другую форму, отпѣляющая легкость — вотъ отличительныя черты оного.

II

Издавая нынѣ на Россійскомъ языкѣ одно изъ сочиненій Г. Бальзака, которое имѣло наибольше успѣха, мы думаемъ доставить пріятное чтеніе Русской публикѣ. Если нашъ выборъ палъ предпочтительно на Сцены изъ частной жизни, то это потому, что кромѣ завлекательности слога, находимъ еще въ селѣ сочиненіи удачное приспособленіе вымысла къ настоящимъ нравамъ, остроумныя мысли ума наблюдательнаго, много портретовъ такихъ лицъ, которыя у насъ еще въ живой памяти, наконецъ, разные анекдоты, относящіеся къ происшествіямъ современнымъ. Есть много писателей и артистовъ, имена коихъ неразрывно связаны съ тѣми родами изящныхъ произведеній, въ которыхъ они преимущественно отличились; такъ и имя Г. Бальзака нынѣ должно занимать первое мѣсто, когда рѣчь идетъ или объ описаніи семейственныхъ сценъ, или о вѣрномъ, точномъ изображеніи картинъ городской жизни. Съ какою отчетливостію онъ умѣетъ описывать малѣйшія подробности, съ какимы иску-

III

створилъ онъ извлекаетъ пользу изъ самыхъ мелкихъ обстоятельствъ , придавая онымъ нѣкоторую важность , оттъняля ихъ , дабы тѣмъ ярче выставить главныя лица картины намъ представляемой ! Г. Бальзака упрекаютъ въ излишество относительно изображенія подробностей ; но недостатокъ сей, или , справедливѣе , сія слабость весьма извинительна въ селѣ Авторъ, и всегда выкупается прелестію описаній и ловкостію связывать сіи кажущіяся излишества съ цѣлымъ. Вводитъ ли онъ насъ въ гостиную? — Поднимаетъ ли завѣсу, самую таинственную? — Заставляетъ ли насъ обойти съ собою пять этажей огромнаго дома? — Описываетъ ли угрюмый видъ сего послѣдняго, его темные коридоры, его окна à la guillotine? — Вездѣ поддерживается участіе читателя живостію, заманчивостію слога.

Впрочемъ , мы предоставляемъ самимъ читателямъ судить о дарованіяхъ Г. Бальзака въ литературномъ отношеніи, и погтемъ себя вполне вознагражденными, если сей слабый опытъ — познакомитъ

IV

читающую Русскую публику съ превосходными произведеніями, коими плодотворный сей писательъ продолжаетъ обогащать Французскую литературу — найдетъ другихъ подражателей. Судить въ какой степени мы достигли нашей цѣли — дѣло публики.

Сей переводъ будетъ состоять изъ шести сценъ, которыя будутъ выходить отдѣльными книжками; нынѣ предлагается первая сцена, подъ заглавіемъ: Наслѣдственная мѣсть (La Vendetta). Въ непродолжительномъ времени выйдеть вторая: Опасности порочной жизни.

ПРЕДИСЛОВІЕ

отъ сочинителя.

Есть безъ сомнѣнія матери, которыя, получивъ воспитаніе чуждое предразсудковъ, не утратили прелестей украшающихъ женскій полъ, и между тѣмъ приобрѣли основательныя познанія, безъ всякаго педантизма. Дозволятъ ли онѣ своимъ дочерямъ руководствоваться сими уроками? . . . . Авторъ смѣетъ ожидать сего. Онъ льститъ себя надеждою, что разсудительные умы не будутъ упрекать его въ томъ, что онъ иногда представлялъ истинную картину нравовъ, которые семейства нынѣ спускаются шапкой во мракъ, и

которыя наблюдателю часто бываетъ трудно открыть. Онъ думаетъ, что гораздо благоразумнѣе означать въ пьесахъ ивы опасныя спези жизни человеческой, подобно спруговщикамъ выспавляющимъ вѣхи на опмѣляхъ Лоары, чѣмъ скрывать сіи пупи опъ неопытныхъ взоровъ.

Но къ чему Автору оправдываться предъ людьми большаго свѣта? Издавая сіе сочиненіе, онъ возвращаетъ свѣту только то, что получилъ опъ него. Опъ того ли чтеніе его книги будетъ воспрещено молодымъ дѣвицамъ, коимъ предназначено явиться однажды на поприщѣ общественной жизни, что онъ старался безпристрастно изобразить происшествія предшесивующія браку и происшествія послѣдующія оному? И можно ли счесть преступленіемъ желаніе сочинителя поднять для нихъ заблаговременно завѣсу той сцены, копорой онъ должны нѣкогда служить украшеніемъ?

Авторъ никогда не могъ понять, какія выгоды ожидаетъ мать, скрывая на годъ, или много на два, опъ дочери шѣ

тайны, которыхъ она необходимо должна узнатьъ въ послѣдствіи, и предоставляя ей самой просвѣтитъ свой умъ, при блестя бурь, ярости коихъ она предаешь ее почти всегда беззащитною.

И такъ книга сія сочинена вопреки тѣмъ глупымъ книгамъ, которыхъ мелочныя умы предлагали до сихъ поръ женщинамъ. Удовлетворилъ-ли Авторъ пребываніе духа времени, и выполнилъ ли удачно свои предначертанія?..... Сей вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ сочинителемъ. Можетъ быть къ нему самому отнесутъ эпитетъ, приписанный имъ его предшественникамъ. Онъ знаетъ, что на литературномъ поприщѣ, не успѣвъ, значитъ погибнуть; и артистамъ въ особенности публика имѣетъ право сказать: *Vae victis!*

Авторъ позволяетъ себѣ только одно личное замѣчаніе. Онъ знаетъ, что нѣкоторые могутъ упрекнуть его въ томъ, что онъ часно входилъ въ подробности, по видимому излишнія. Онъ знаетъ, что его легко обвинить въ какой-то пустой болтливости. Часно покажется, что кар-

VIII

пины его имѣютъ всѣ недоспапки картинъ Голландской школы, не представляя въ то же время достоинствъ оныхъ. Но Авторъ можетъ извинить себя тѣмъ, что онъ предлагаесть книгу свою только умамъ болѣе числосердечнымъ и менѣ пресыщеннымъ, менѣ образованнымъ но болѣе благосклоннымъ, чѣмъ умы сихъ криптиковъ, коихъ право судить сію книгу онъ отвергаесть.

СЦЕНА I-я.

НАСЛѢДСТВЕННАЯ МЕСТЬ.

(La Vendetta.)

Въ концѣ Сентября мѣсяца 1800 года, остановился передъ Тюллерійскимъ дворцомъ незнакомецъ, сопровождаемый женщиною и маленькою дѣвочкою. Онъ, довольно долго, споялъ задумчиво, съ сложенными на-крестъ руками передъ развалинами дома, недавно сломаннаго; когда же поднималъ голову, то смотрѣлъ только попеременно или на дворецъ Консула, или на свою спутницу, которая сидѣла возлѣ него на камнѣ. Хотя, казалось,

незнакомка единственно занималась маленькою дѣвочкою, имѣвшею опть 9-ти до 10-ти лѣтъ опть роду, перебирая ея длинныя, черныя волосы, но ни опднѣ изъ взглядовъ, брошенныхъ на нее поварихею, не укрывался опть ея вниманія. Одно и то же чувство, хопя и не любовь, вѣроятно соединяло ихъ, и возбуждало въ поступкахъ и мысляхъ сей четы равное безпокойство. Нищета связываетъ, можетъ быть, тѣснѣйшими узами несчастныхъ. Бракъ соединялъ ихъ, и маленькая дѣвочка была, казалось, послѣднимъ плодомъ ихъ союза.

Широкое чело незнакомца и обросшая густыми волосами голова его, походила на тѣ, кои такъ часто изображала кисть Карачіо; но между спми столь черными волосами выказывалось множество сѣдыхъ, и опшѣнокъ суровости измѣнилъ въ сію минупу

его благородныя и гордыя черты. Онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, хопя, по видимому, имѣлъ болѣе 60-ти лѣтъ. Его изношенное плащье показывало, что онъ пришелъ изъ чужихъ земель.

Жена его имѣла по крайней мѣрѣ 50-ть лѣтъ отъ роду. Черты лица ея, нѣкогда прекраснаго, теперь измѣнились. Видъ ея показывалъ глубокую горестъ, но когда взоры мужа обращались на нее, она успливалась улыбаться, стараясь въ то же время припримать на себя видъ спокойствія. Длня спояло не смотря на усталость выражавшуюся на юномъ его лицѣ, загорѣвшемъ отъ солнца. Все показывало въ ней Италянку: большіе черные глаза, блиставшіе изъ подъ пріятно округленныхъ бровей, врожденное благородство и неизьяяснимая прелестъ.

Почти всѣ проходящіе были про-

нупы однимъ видомъ сей группы, лица коей не дѣлали ни малѣйшаго усилія, чтобы скрыть опчаяніе, столь же глубокое, сколь выраженіе онаго было просто; но источникъ сего минутнаго участія, вообще свойственнаго Парижанамъ, скоро изсякалъ, ибо едва незнакомецъ замѣчалъ, что онъ спановишся предметомъ вниманія какого нибудь любопытнаго, то обращалъ на него столь свирѣпый взоръ, что самый дерзкій спѣшилъ удалиться, какъ бы наступя на змѣю.

Вдругъ рослый иностранецъ повелъ по челу рукою, какъ бы спараясь опогнать мысли, которыя провели на ономъ морщины, и вѣроятно рѣшился на нѣчто опчаянное. Онъ бросилъ пронцапельный взглядъ на свою жену и дочь, вынулъ изъ кармана длинный кинжалъ, и отдавая оный своей спутницѣ, сказалъ ей по-Италіянски:

— Я пойду узнаю помню ли насъ Бонапарты! . . . .

Послѣ сего онъ пихимъ, но твердымъ шагомъ пошелъ ко входу во дворецъ.

Иностранецъ, какъ можно было ожидать, былъ остановленъ солдапомъ Консульской гвардіи, съ копорымъ онъ не могъ вести продолжительнаго разговора; ибо, видя настойчивость незнакомца, часовой, въ знакъ непреклонности, взялъ ружье на руку. Случайно, въ сію минуту, пришли смѣнить солдата; и капралъ весьма учтиво указалъ чужестранцу мѣсто, гдѣ находился офицеръ, командовавшій постомъ.

— Дайте знать Бонапарту, что Бартоломео ди Пюмбо желаетъ съ нимъ поговорить? . . . . сказалъ незнакомецъ дежурному Капитану.

Не смотря на всѣ представленія

сего офицера, что перваго Консула нельзя видѣть безъ предварительнаго письменнаго прошенія объ аудіенціи, Барполомео непремѣнно настаивалъ, чтобы Капитанъ доложилъ объ немъ Бонапаршу. Офицеръ, ссылаясь на сдѣланное ему приказаніе, рѣшительно отказался исполнить желаніе сего спранныаго просителя. Послѣ чего Барполомео, нахмуривъ брови и бросивъ ужасный взглядъ на Капитана, казалось возлагалъ на него отвѣтственность за все несчастіе могущее отъ сего произойти. Онъ хранилъ молчаніе, сложилъ на груди руки, и спалъ подъ порпикомъ, служащимъ сообщеніемъ между дворомъ и садомъ Тюллерійскимъ.

Случай, почти всегда, удивительно благопріятствуетъ людямъ, твердо чего нибудь желающимъ. Въ ту минуту, какъ Барполомео дн Піомбо сѣдился на одну изъ шумбъ, находящихся око-

ло входа въ Тюллерійскій дворець, пріѣхала карета, и Люціанъ Бонапартъ, Министръ Внутреннихъ дѣлъ, вышелъ изъ оной.

— А, Люціанъ, какъ я радъ, что тебя вижу! . . . . вскричалъ иноспрянецъ.

Слѣдъ слова, произнесенныя Корсиканскимъ нарѣчіемъ, остановили Люціана, который хотѣлъ пройти подъ сводъ. Онъ взглянулъ на Бартоломео, узналъ его, и послѣ сказаннаго ему симъ послѣднимъ на ухо слова, онъ сдѣлалъ знакъ головою, и повелъ съ собою Корсиканца къ Бонапарту.

Они оба пришли въ Кабинетъ перваго Консула. Мюратъ, Ланнъ и Рапъ были у него. Увидя входящаго Люціана, въ сопровожденіи чловѣка столь страннаго вида, всѣ замолчали. Люціанъ, взявъ Наполеона за руку, опвелъ его ко впадинѣ окна; и тамъ, послѣ

краткаго разговора съ своимъ брапомъ, первый Консуль сдѣлалъ знакъ рукою, копорому повиновались Мюрапъ и Ланнъ: они удалились. Раппъ показалъ видъ будто-бы ничего не видѣлъ, и остался. Бонапартъ съ живостію сдѣлалъ впорично знакъ удалиться, и адъютантъ, съ примѣпнымъ неудовольствіемъ, ушелъ въ ближайшую комнату. Первый Консуль, услышавъ шумъ шаговъ Раппа, поспѣшно вышелъ, и увидѣлъ что сей послѣдній ходилъ вдоль спѣны, раздѣлявшей кабинетъ и гостиную.

— И такъ ты не хочешь понимать меня, сказалъ первый Консуль. Я хочу поговорить наединѣ съ моимъ соотечественникомъ. . . . .

— Корсиканцемъ! . . . . возразилъ адъютантъ. Новая причина оспаться здѣсь! . . . . Этимъ людямъ я никогда не довѣряю. . . .

Онъ останоуилса.

Перуый Консулъ не могъ скрыть улыбки, и, взявъ вѣрнаго своего офицера за плечи, слегка опшолкнулъ его. Раппъ вышелъ.

— Ну, бѣдный мой Бартоломео, что ты намѣренъ здѣсь дѣлать?.... спросилъ перуый Консулъ у Пиомбо.

— Просить тебя объ убѣжищѣ и покровительствѣ, если ты истинный Корсиканецъ, угрюмо отвѣчалъ Бартоломео.

— Какое несчастіе могло заспауить тебя удалишься изъ родины?.... Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, ты былъ первымъ богачемъ, первымъ....

— Я испребилъ все семейство Порпа!.... возразилъ Корсиканецъ голосомъ пропяжнымъ и нахмуривъ брови.

Перуый Консулъ опскочилъ на два шага назадъ.

— Не намѣренъ ли ты меня выдашь? . . . . вскричалъ Барполомео, бросивъ на Бонапарта мрачный взоръ. — Знаешь ли, что въ Корсикѣ есть еще чепыре чловѣка изъ семейства Пюмбо? . . . .

Люціанъ взялъ своего соотечественника за руку, и потрясъ оную, съ живостію сказалъ: — Не пришелъ ли ты сюда для того, чтобы спращать моего брата? . . . .

Бонапартъ сдѣлалъ знакъ Люціану, который замолчалъ; потомъ, взглянувъ на Пюмбо, сказалъ ему:

— За чѣмъ же ты убилъ всѣхъ Порта?

Глаза Корсиканца заблестали какъ молніи.

— Мы было помирились, отвѣчалъ онъ. Семейство Барбапани насъ къ тому склонило. На другой день послѣ того, какъ мы вмѣстѣ заживали нашу

вражду, въ знакъ примиренія, я принужденъ былъ оправдаться по дѣламъ въ Баспю. Они оспались у меня, и зажгли мой Лонгонскій виноградникъ. Они умертвили сына моего Григорію. Дочь моя Жиневра и жена спаслись отъ подобной участи, безъ сомнѣнія потому только, что въ то самое упростились, и Пречистая Дѣва приняла ихъ подъ свой Святой покровъ. Возвратясь изъ Баспю, я уже не нашелъ своего дома, я искалъ его, попирая ногами пепелище онаго! . . . .

Барполомео оспановился, и казалось былъ подавленъ бременемъ тяжкихъ воспоминаній.

— Вдругъ, продолжалъ онъ, я споткнулся на шѣло Григорію, и узналъ его при лунномъ сіяніи. — О! это дѣло семейства Порпа, подумалъ я. Тотчасъ пошелъ въ *Râquis* (*). Набралъ

(*) Мѣсто сборища бандитовъ.

нѣсколько человекъ, которѣхъ нѣкогда имѣлъ случай одолжить, понимаешь ли Бонапарть?.... и мы пошли вмѣстѣ въ виноградникъ, принадлежащій Порта. Мы туда пришли въ девять часовъ, а въ десять, они всѣ были передъ Богомъ. Гіакомо утверждаетъ, будто бы Елиза Ванны спасла ребенка, маленькаго Люижи; но я самъ привязалъ его къ кровати, и потомъ зажегъ домъ ихъ. Какъ бы то ни было, но я оставилъ островъ, съ женою, не узнавъ навѣрное, правда ли что Люижи оспался въ живыхъ.

Бонапарть стоялъ неподвижно, и смотрѣлъ на Барполемео съ любопытствомъ, но безъ удивленія.

— Сколько ихъ было?.... спросилъ Люціанъ.

— Семеро, отвѣчалъ Піомбо. Они нѣкогда были и вашими гонимелами. Но сіи слова не возбудили въ двухъ

братъяхъ ни малѣйшаго выраженія ненависти.

— Нѣтъ, вы уже болѣе не Корсиканцы! . . . . вскричалъ Бартоломео съ нѣкоторымъ опчаяніемъ. Прощайте.

— Было время, что я вамъ кровншельствовалъ! . . . . прибавилъ онъ съ видомъ упрека.

— Когда бы не я, то своей матери не привели бы живой въ Марсель, сказалъ онъ, обращаясь къ Бонапарту, облокотившемуся, съ задумчивымъ видомъ, на мраморную доску камня.

— По совѣсти, Піомбо, отвѣчалъ Наполеонъ, я не могу взять тебя въ свое кровншельство, ибо я Глава Республики, а посему долженъ пещись объ исполненіи ея законовъ.

— Ага! сказалъ Бартоломео.

— Но я могу сморгнуть сквозь пальцы . . . . . возразилъ Бонапартъ.

Предразсудокъ *Vendetta* долго будетъ чреградою водворенія законовъ въ Корсикѣ, прибавилъ онъ про себя. — Однако надобно его уничтожить — во что бы то ни стало.

Бонапартъ хранилъ нѣкоторое время молчаніе, и Люціанъ сдѣлалъ Пюмбо знакъ, что бы тотъ не говорилъ ни слова. Корсиканецъ уже начиналъ качать головою, изъявляя тѣмъ свое неодобреніе.

— Оспавайся здѣсь, возразилъ Консуль, обращаясь къ Бартоломео, *мы о томъ не будемъ знать*. Я велю купить твое имѣніе, и, по прошествіи нѣкотораго времени, мы о тебѣ подумаемъ. — Но не помышляй болѣе о *Vendetta!* — Знай, что въ Парижѣ нѣтъ *Râquis*, и если вздумаешь здѣсь выметывать кинжаломъ, то не надѣйся на спасеніе. — Здѣсь всѣ граждане подъ

кровомъ закона, и самоуправство опшюдь не допускается.

— И шакъ! опвѣчалъ Барполомео, взявъ Люціана за руку, я шеперь вашъ по смерть, и вы можете располагать, какъ хопште, всѣми Піомбо.

При сихъ словахъ чело Корсиканца прояснилось, и онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ примѣннымъ удовольствіемъ.

— Вамъ здѣсь не худо! . . . . сказалъ онъ улыбнувшись, какъ бы самъ желая расположиться въ семъ мѣспѣ. Это дворець! . . . .

— Только опъ себя будетъ зависть возвыситься, и имѣть шакже дворець въ Парижѣ! . . . . сказалъ Бонапарть, окинувъ взоромъ своего сопечественника. Мнѣ не разъ случився искашь около себя друга, совершенно мнѣ преданнаго, на котораго бы я могъ положиться. . . . .

Вздохъ радости вырвался изъ широкой груди Піомбо, и онъ пропнулся первому Консулу руку, сказавъ:

— Въ тебѣ есть еще что-то Корсиканское! . . .

Бонапартъ улыбнулся, и молчаливо посмотрѣлъ на человѣка, споль живо напоминавшаго ему духъ опичизны, пошъ островъ, гдѣ, не за долго предъ симъ, онъ былъ принятъ, по возвращеніи изъ Египта, съ такимъ воспоргомъ, и который ему не суждено было болѣе видѣть. Онъ сдѣлалъ знакъ своему брату, и сей послѣдній увелъ съ собою Бартоломео ди Піомбо. Люціанъ съ участіемъ спросилъ бывшаго покровителя своего семейства о денежныхъ его обстоятельствахъ. Тогда Піомбо, подведя Министра Внутреннихъ дѣлъ къ окну, и показавъ ему

свою жену и Жиневру, сидищихъ на груди камней, сказалъ:

— Мы сюда пришли изъ Фоншенбло пѣшкомъ, и не имѣемъ ни обоя.

Люцианъ опдалъ свой кошелекъ со-отечественнику, и пригласилъ его придти къ себѣ на другой день, чтобы принять мѣры къ обезпеченію участи его семейства: потому, что всего имѣнія Пюмбо въ Корсикѣ, недоспапочно было для приличной жизни въ Парижѣ.

Бартоломео, исполненный радости и надежды возвратился къ женѣ и Жиневрѣ.

Изгнанники снискали въ сей вечеръ убѣжище, пищу и покровительство перваго Консула.

Сей простой рассказъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели въ

Парижъ Бартоломео ди Пиомбо съ его семействомъ, должно считаться только необходимымъ введеніемъ, приготавливающимъ читателя къ удобнѣйшему пониманію слѣдующихъ сценъ.

М А С Т Е Р С К А Я.

Г. Сервинъ , одинъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ артистовъ, первый осуществилъ мысль открыть мастерскую для молодыхъ дѣвицъ, желающихъ брать уроки въ живописи. Онъ имѣлъ около 40 лѣтъ, былъ человекъ строгой нравственности, и совершенно посвятилъ себя своему искусству. Онъ женился по склонности на дочери одного недоспапочнаго Генерала.

Сначала, матери сами сопровождали дочерей своихъ къ Профессору; но потомъ, удивляясь въ честныхъ его правилахъ и стараніи заслужить ихъ

довѣренность, начали дочерей опускать и однихъ.

Живописецъ положилъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ принимать только ученицъ, принадлежащихъ къ богатымъ или знаменитымъ фамиліямъ, дабы не могли упрекать его въ помѣ, что общество, посѣщающее его мастерскую, соспавлено безъ-разбора. Онъ даже не соглашался принимать молодыхъ дѣвицъ, желающихъ совершенно посвятить себя живописи, и копорымъ бы надлежало дѣлать особенныя объясненія, безъ коихъ не возможно ожидать большихъ успѣховъ въ семъ искусствѣ.

Стараніе, изысканіе способа ученія, посредствомъ котораго онъ посвящалъ своихъ ученицъ во всѣ таинства живописи, увѣренность матерей, что дочери ихъ находясь въ кругу подругъ благовоспитанныхъ, наконецъ,

извѣстность характера, строгой нравственности живописца, который былъ женатъ, приобрѣли ему добрую славу въ высшемъ обществѣ. Когда молодая дѣвица изъявляла желаніе учиться рисованію, и мать о томъ совѣщивалась съ живописцами, то всегдашній ихъ отвѣтъ былъ: — Пошлите ее къ Сервину!

И такъ, Сервинъ приобрѣлъ знаменитость, сдѣлался совершенно необходимымъ для любительницъ рисованія, однимъ словомъ, онъ былъ законодателемъ въ женской живописи, какъ Гербольтъ въ шляпахъ, Лероа въ модахъ, или Шеве въ сѣспныхъ припасахъ. Всѣмъ было признано, что если только молодая женщина училась у Сервина, то могла безошибочно судить о достоинствѣ картинъ въ Музеѣ, превосходно списать портретъ, скопировать картину и сочинить домаш-

ною сцену (tableau de genre). Такимъ образомъ сей арписпъ могъ удовлетворить всѣмъ прѣбваніямъ Арпспокрапіи. Не смотря на его связи съ лучшими домами въ Парижѣ, онъ былъ независимъ, истинный патриотъ, и всегда сохранялъ въ разговорѣ ту легкость, остроуміе, иногда даже и колкость, которыя опличаютъ живописцевъ.

Онъ простиралъ разборчивость въ своихъ предосторожностяхъ до такой степени, что озабочился и самымъ помѣщеніемъ мастерской. Входъ на чердакъ, находящійся надъ его комнатами, былъ наглухо заложень; лѣстница вела прямо во внутренніе его покои, мѣсто священное не менѣе рарема.

Мастерская, занимавшая весь верхній этажъ дома, своею величиною изумляла всегда любопытныхъ, которые, поднявшись на 60-ть фузовъ отъ зем-

ли, воображаяють, что увидяють ар-
хиста, живущаго на пѣсномъ черда-
кѣ. Сей родъ галлерей былъ въ надле-
жащей степени освѣщенъ посредствомъ
огромныхъ рамъ, обтянутыхъ зеленою
саржею, которая служилъ живопис-
цамъ для того, чтобы удобнѣе рас-
полагать свѣтомъ. Множество карри-
капуръ, разныхъ головокъ, начерчен-
ныхъ на темно-сѣрыхъ стѣнахъ ос-
проконечіемъ ножа, свидѣтельствова-
ли, что и самыя знашныя дѣвицы столь
же склонны къ шалостямъ, какъ и мо-
лодые люди, и разность состоитъ толь-
ко въ способѣ обнаруживанія этой
рѣзвости. Небольшая печь и длин-
ныя трубы, уродливыми извилками
проведенныя подъ крышу, служилъ не-
избѣжнымъ украшеніемъ сей мастер-
ской. Полки, расположенныя вдоль
всѣхъ стѣнъ, уставлены были безъ
разбору лучшими гипсовыми моделями,

изъ коихъ нѣкоторыя сохранили еще прежнюю бѣлизну, другія были полуобтерпы, а бѣльшею частію покрыты желтоватою пылью. Подъ сими полками, съ одной стороны видна была голова Ніобы, повѣшенная на гвоздь, и выражающая глубокую горесть; съ другой улыбающаяся Венера, далѣе порчала рука, какъ бы просящая милоспыню; или взоръ оспановлялся на изображеніи челоуѣка безъ кожи, пожелпѣвшемъ отъ дыма, и походящимъ на тѣло мертвеца, только что вынутаго изъ гроба. Наконецъ каршины, рисунки, чучелы, рамы безъ холста, и холсты безъ рамы, все придавало сему мѣсту неизьяснимую фзіогномію мастерской живописца: странное соединеніе украшеній и наготы, нищеты и богатства, старанія и небрежности, однимъ словомъ, огромный корабль, на которомъ все кажется ничтож-

нымъ, даже и самый человекъ. Въ мастерской живописца есть нѣчто напоминающее оперныя кулисы; на примѣръ: вепошки, позолоченное оружіе, лоскуты богатой парчи, машины; въ ней же найдете нѣчто великое, нѣчто безпредѣльное, какъ мысль. Тупъ и геній, и смерть: Діана, Аполлонъ возлѣ черепа, или человѣческаго остпова; изящное и безпорядокъ; успешность и мечпы; богатые цвѣты въ пѣни; и часто, кажется, видишь шумную драму тамъ, гдѣ царствуетъ одно молчаніе. Это истинное изображеніе головы арписна.

Въ то время, къ которому относился начало сей повѣсти, блестящее солнце Юля освѣщало мастерскую; два своенравные луча прорѣзывали всю глубину оной, образуя прозрачныя, златистыя полосы, въ пространствѣ которыхъ ярко блистали пылинки.

Съ дюжину живописныхъ спанковъ возвышали свои оспроконечные верхи, подобно мачтамъ, въ гавани сполщихъ кораблей.

Десять молодыхъ дѣвицъ оживляли сію сцену, разнообразіемъ своихъ физиогномій, положенія тѣла и различіемъ убранствъ. Густыя тѣни, отбрасываемыя зеленою саржею, расположенною сообразно съ потребностію каждаго спанка, производили множество противоположеній, разительныхъ дѣйствій тѣмо-свѣта (clair-obscur). Все это вмѣстѣ, составляло изящнѣйшую картину въ масперской.

Молодая дѣвушка, бѣлокурая, съ непорочнымъ видомъ, занималась съ примѣшнымъ стараніемъ. Казалось, она предвидѣла дни злополучія. Она одѣта была просто, и сидѣла поодаль отъ своихъ подругъ. Никто не обращалъ на нее вниманія, не вслушалъ съ нею

въ разговоръ. Она была прелестнѣе всѣхъ другихъ, всѣхъ скромнѣе и — бѣднѣйшая между ними.

Двѣ главные группы, небольшоимъ пространствомъ одна опъ другой раздѣляемая, составляли два отдѣльные общества, хотя и казалось бы, что, въ масперской, различіе сословій и богатства должно быть вовсе забыто.

Нѣкоторыя изъ молодыхъ дѣвицъ сидѣли, другія стояли посреди ящичковъ съ красками, играли своими кисточками, или приводили ихъ въ исправность, повертывали свои блестящія палитры, писали, говорили между собою, смѣялись, пѣли, выказывая свою веселость и врожденный характеръ: все это составляло зрѣлище, неизвѣстное для мужчинъ.

Тамъ — одна, гордая, надмѣнная, своенравная, имѣющая черные волосы

и прекрасныя руки, бросала пламень взоровъ своихъ небрежно по споронамъ. Другая, безпечно-веселая, съ улыбкою на устахъ, съ темнорусыми волосами, бѣленькими, нѣжными ручками, подобно Французской дѣвѣ легкомысленная, опкровенная, наслаждалась однимъ наспоющимъ. Третья, задумчивая, съ печашью меланхоліи на чель, блѣдная, съ склоненною головою, походила на увядающій цвѣтокъ. Сосѣдка ея, напрошивъ того, высокаго роста, безпечная, съ мусульманскими ухвапками, съ глазами продолговатыми, черными и влажными, молчаливая, но мечпашельная, часпо посмапривала украдкою на голову Анпиной. Одна, между ними, была, подобно *jocoso* Испанской пьесы, оспроумна, насмѣшлива, однимъ взглядомъ узнавала шайны подругъ, смѣшила ихъ, и на лицѣ ея выражалось всегда сполько жпвостп,

что оно невольно привлекало. Она управляла ученицами первой группы, которая состояла изъ дочерей банкировъ, нотаріусовъ, негоціантовъ — все людей богатыхъ ; но группа сія была предметомъ , хотя и не явныхъ , но не менѣ того колкихъ насмѣшекъ , распочаемыхъ молодыми аристократками.

Сіи послѣднія, въ свою очередь, были управляемы дочерью одной Маркизы, дѣвушкою своенравною, гордившеюся тѣмъ , что отецъ ея служилъ при Дворѣ и занималъ почетное мѣсто. Она была блѣдна, худощава, хвора и сколько же глупа , сколько щещеславна. Она всегда показывала видъ , будто бы съ перваго раза понимаетъ замѣчанія учителя, и, казалось , работала только изъ угожденія. Она смотрѣла въ лорнетъ , обыкновенно была пышно одѣта, приходила поздно, и умо-

ляла своихъ подругъ говоритъ тихо. Сія вшорая группа изобиловала прелесными паліями, лицами выражавшими нѣкоторое благородство; но во взорахъ сихъ молодыхъ дѣвиць не изображалось просподушія. Хопя онѣ плѣняли своею ловкостію, своимъ пріятнымъ обхожденіемъ; но въ лицахъ ихъ не доспавало опкровенности; и легко можно было угадать, что онѣ принадлежатъ къ сословію, въ которомъ вѣжливостъ образуенъ съ юныхъ лѣтъ характеры, злоупотребленія удовольствій общеспвенной жизни убиваютъ спраспи, и приличія свѣта раждаютъ эгоизмъ.

Когда всѣ ученицы собирались въ масперской, то между сими молодыми дѣвицами были миловидныя дѣпскія головки, лица, плѣняющія выраженіемъ непорочности, дѣвы, коихъ едва опкрышыя уста, позволяли видѣть дѣв-

спвенные зубы, дѣвственную улыбку. Тогда мастерская не походила на гаремъ, но на группу ангеловъ, парящихъ на облакѣ по небу.

Уже было около полудня, а Г. Сервинъ еще не являлся. Ученицы его, знали, что онъ оканчивалъ къ выставкѣ карпину, и что, съ нѣкоторыхъ поръ, онъ, большую часть времени, проводилъ въ мастерской, усроенной въ другой части города. Вдругъ, дѣвица Монсорень, начальница аристократической партіи сего небольшого собранія, начала тихо разговаривать съ своею сосѣдкою, и между опредѣленіемъ благородныхъ, воцарилось глубокое молчаніе, не прерывавшееся во все время довольно продолжительнаго переговоров. Удивленная пропивная партія, равнымъ образомъ умолкла, и старалась отгадать предметъ подобнаго

совѣщанія ; но тайна молодыхъ монархиспокъ вскорѣ была объявлена.

Дѣвица Монсорень вспала. Она взяла споящій по правую руку спанокъ, и поставила его довольно далеко отъ партіи благородныхъ, возлѣ простой перегородки, отдѣлявшей масперскую отъ чулана. Сей темный уголокъ отчасти образовался неправильною внутреннею спѣною, копорая въ семь мѣспѣ имѣла довольно большой выступъ. Сіе отгороженное пространство служило для поклажи вещей, на время не нужныхъ въ масперской. Туда бросали разбишья модели, холсты не годные къ употребленію. Туда же ставили печку, когда ее разбирали, и запасъ дровъ на зиму.

Послупокъ дѣвицы Монсорень въ рояпно показался очень дерзкимъ, ибо возбудилъ ропотъ изумленія. Молодая щеголиха не обрапила на сіе ни ка-

кого вниманія, и продолжала переставлять вещи своей опсупспвующей подруги, придвинувъ поспѣшно къ спанку ящикъ съ красками, перенеся табуретъ, на которомъ послѣдняя обыкновенно сидѣла, и карпину Рубенса, съ которой она снимала копію. Сіе рѣшительное дѣйствіе аристократической партіи, которое долженствовало имѣть пагубныя слѣдствія, произвело всеобщее удивленіе, и хотя правая спорона оянь въ молчаніи принялась за дѣло, лѣвая долго разсуждала о семъ насильственномъ поступкѣ.

— Что-то скажетъ дѣвица Піомбо? спросила одна молодая дѣвушка у дѣвицы Планта, хитрой начальницы первой группы.

— Она не такова, чтобы спала говорить! отвѣчала сія. Но, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, она будетъ помнить сію обиду, какъ преперпѣн-

ную на канунѣ, и жестоко будетъ умѣнь опомспить. Я бы не желала бытъ въ враждѣ съ нею.

— Изгнаніе, на которое сіи дѣвѣцы осудили ее, сказала другая молодая дѣвушка, тѣмъ болѣе несправедливо, что претѣяго дня дѣвица Жиневра была весьма печальна; ибо отецъ ея, какъ говорятъ, не за долго предъ симъ, подалъ въ опсѣавку. Это значить, усугублять ея несчастія, между тѣмъ, какъ она была весьма ласкова къ симъ дѣвицамъ во все это время. Сказала ли она хопя слово, для нихъ оскорбительное? Она, напрошивъ того, избѣгала случая говорить о политическихъ дѣлахъ. Но онѣ кажутся дѣйствующъ болѣе изъ зависти, нежели изъ привязанности къ своей партіи.

— Я перенесу спанокъ дѣвѣцы Пѣомбо, и поставлю возлѣ моего!.... сказала Фанни Планта.

При сихъ словахъ она вспала, но вдругъ пришла ей въ голову мысль, и она съѣла на прежнее мѣсто.

— При такомъ характерѣ, каковъ у дѣвицы Жиневры, сказала она, не лѣзя знашь въ какую спорону она приметъ нашу учтивость, и лучше ожидать развязки.

— Вопъ она! . . . . сказала помнымъ голосомъ молодая, черноокая дѣвица.

И въ самомъ дѣлѣ, шумъ шаговъ на лѣспницѣ раздался въ залъ; послѣ повпоренныхъ всѣми словъ: „вопъ она!“ воцарилось глубокое молчаніе во всей масперской.

Дабы предспавить себѣ всю важность поступка дѣвицы Монсорень, должно прибавить, что сія сцена происходила въ концѣ Іюля 1815-го года. Впоричное возспановленіе Бурбоновъ распоргло многія дружескія связи, которыя уцѣлѣли послѣ перваго. Въ сію

эпоху, самыя даже семейства раздѣлены были различіемъ мнѣній, и полиппическій фанатизмъ возобновлялъ тѣ плачевныя сцены, которыя, во время междуусобныхъ, или религіозныхъ войнъ, опозоривали лѣтописи челоѳчеспва. Дѣти, молодыя дѣвицы, спарикки, всѣ раздѣляли сей недугъ, которымъ и самое Правительство было заражено. Раздоръ вкрался повсюду, и недовѣрчивость подернула своимъ мрачнымъ цѣвпомъ самыя искренніе поступки и разговоры.

Жиневра Піомбо богопворила Наполеона. Да и могла ли она его ненавидѣть: Императоръ былъ ея соопечеспвенникомъ и благодѣтелемъ опца. Баронъ Піомбо былъ однимъ изъ тѣхъ приверженцовъ Наполеона, которые съ наибольшимъ успѣхомъ содѣйспвовали въ возвращеніи его съ острова Эльбы. Неспособный измѣнникъ

своимъ полипическимъ мнѣніямъ, напрошивъ того всегда гошовый защищать оныя отккрыпо, спарый Баронъ Піомбо оспался въ Парижѣ посреди своихъ враговъ. Посему Жиневра Піомбо пѣмъ болѣе могла бытъ почтена принадлежащею къ числу подозрительныхъ особъ, что нимало не спаралась скрытъ гореспъ, копорую сіе второе возспановленіе Бурбоновъ причиняло ея семейспву. Причиною единспвенныхъ слезъ, копорыя она можеть бытъ пролила въ своей жизни, было сугубое извѣспіе о взятіи въ плѣнъ Наполеона на Беллерофонъ и задержаніи Лабедейера.

Всѣ дѣвицы, соспавлявшія въ мастерской группу благородныхъ, принадлежали къ фамиліямъ самыхъ ревностныхъ роялистповъ въ Парижѣ. Трудно дать понятіе объ изспупленіи въ сію эпоху и о злобѣ, пшае-

мой къ Бонапартистамъ. Послупокъ дѣвнцы Монсорень, который бы теперь показался весьма маловажнымъ и незначительнымъ, былъ въ то время явнымъ выраженіемъ ненависти.

Съ того дня, въ который Жиневра Пюмбо, одна изъ лучшихъ ученицъ Г. Сервина, начала ходить въ масперскую, она занимала то мѣсто, котораго хотѣли ее лишитъ. Аристократическая партія нечувствительнымъ образомъ сосредоточилась около нее; посему сіе мѣсто ей какъ бы принадлежало. Лишитъ же ее онаго, значило не только причинитъ ей обиду, но вмѣстѣ и огорченіе, ибо аристы всегда имѣютъ избранное мѣсто для работы. Но, можетъ быть, различіе политическихъ мнѣній и не было главною, побудительною причиною сего послупка правой стороны масперской.

Жиневра Шюмбо была предметомъ всеобщей зависти. Она была лучшею ученицею Г. Сервина. Учитель уважалъ въ ней ея дарованія, а можетъ быть и самый характеръ, красоту, обхождение и даже политическія мнѣнія. Посему онъ ставилъ ее всегда въ примѣръ другимъ. Однимъ словомъ, она была любимою его ученицею. Сія молодая дѣвица имѣла великое вліяніе на весь малый кругъ, хотя нельзя было замѣнить, какимъ образомъ она снискала такую власть; она возбуждала между своими подругами удивленіе въ сильной степени. И въ самомъ дѣлѣ, голосъ ея былъ обворожительный, обхождение неизъяснимо-чарующее, а взглядъ производилъ на ея подругъ почти поже волшебное дѣйствіе, какое и взглядъ Наполеона на солдатъ.

Ариспокрапическая партія, за нѣсколько уже дней предъ симъ, положи-

ла низпровергнути сію Царицу ; но какъ никто не осмѣливался еще явно оплохитися опъ нее, то двѣица Монсорень и вознамѣрилась нанести рѣшительный ударъ, дабы тѣмъ сдѣлать и другихъ участницами въ своей ненависти. Что касается до осмальныхъ молодыхъ двѣиць, то двѣ или три изъ нихъ искренно любили Жиневру ; но какъ у родителѣй нерѣдко журили ихъ за заблужденія въ отношеніи къ политическимъ мнѣніямъ, то онѣ разсудили, съ проникательностію, свойственною женщинамъ, что лучше не принимая никакого участія въ сей ссорѣ.

При появленіи Жиневры ди Піомбо, глубокое молчаніе водворилось въ мастерской. Она была высокаго роста, стройна, бѣлизны необыкновенной. Благородная и пріятная ея поступъ возбуждала почтеніе. Изъ всѣхъ моло-

дыхъ дѣвиць, посѣщавшихъ масперскую Г. Сервина, она была первою красавицею. Лице ея, исполненное жизни и ума, казалось блистающимъ; ея длинныя черныя волосы, черныя глаза и ресницы показывали въ ней сильныя spraspi. Мило-улыбающіяся уста украшали ея лице, и губы ея, можеть бысть нѣсколько полноватыя, плѣняли свою прелестью и выраженіемъ добродушія; но, по странной игрѣ природы, верхняя часть ея лица уменьшала вліяніе, производимое нѣжностію и миловидностію нижней части онаго. Это было вѣрное изображеніе ея характера. Мраморное чело ея носило оппечатокъ гордости, нѣсколько дикою. Корсиканскіе нравы выражались на ономъ во всей силѣ, и это составляло единственныя узы между ею и ея отечествомъ, потому, что нріяпность Италіянки, простота, непри-

нужденность красавиць Ломбардскихъ, соединенныя въ ея особѣ, невольнo привлекали къ ней. Видя ее, никто бы не рѣшился причинить ей огорченіе. Сія молодая дѣвица была столь обворожительна, что отецъ ея, изъ предосторожности, только въ самомъ простомъ платьѣ позволялъ ей посѣщать масперскую. Единственнымъ недоспакомъ сего поэтическаго существа, было обильное развитіе ея прелестей. Она походила на замужнюю женщину. Она отказалась отъ узъ супружества изъ привязанности къ своимъ родителямъ, коихъ спарости она хотѣла усладить, и спрости къ живописи усыпла въ ней всѣ прочія. Она начинала писать съ такимъ искусствомъ, что можно было предвидѣть въ ней славную артистку.

— Вы сегодня очень молчаливы,

любезныя подруги, сказала она подой-
дя къ нимъ.

— Здравствуй, милая Лаура, при-
бавила она голосомъ нѣжнымъ и лас-
ковымъ, приближаясь къ молодой дѣ-
вушкѣ, рисовавшей поодаль отъ дру-
гихъ. — Эта голова написана очень
хорошо, цвѣтъ лица слишкомъ румянь,
но абриссы превосходны.

Лаура подняла голову, умильно по-
смотрѣла на Жиневру, и на лицахъ
ихъ просіяло мнущное удовольствіе.
Легкая улыбка одушевила черты Ипа-
ліянки, копорая, по видимому, была
печальна; потомъ она тихо пошла къ
своему мѣсту, смотря съ равнодуші-
емъ на рисунки и картины, и при-
вѣтствуя каждую дѣвицу первой груп-
пы. Но она не замѣтила особеннаго и
совершенно новаго любопытства, воз-
бужденнаго ея присутствіемъ, какъ
бы Царицы, среди своего двора.

Она не обратила ни малѣйшаго вниманія на глубокое молчаніе, царствовавшее между благородными. Она прошла мимо ихъ мѣста, не сказавъ ни слова. Задумчивость ея была столь велика, что она сѣла къ своему спанку, открыла ящикъ съ красками, взяла кисти, надѣла темные рукава, подвязала передникъ, посмотрѣла на картину, на палифру, вовсе не думая, такъ сказать, о томъ что дѣлала.

Всѣ взоры первой группы были обращены на нею. Хотя молодые ученицы, составлявшія партию дѣвицы Монсорень, не съ такою откровенностью, какъ ихъ подруги, выражали свое неперенѣніе, но не менѣе того онѣ бросали косвенные взгляды на Жиневру де Пюмбо.

— Она ничего не замѣчаетъ! сказала дѣвица Планапа.

Въ ту минушу, какъ слова сіи были произнесены, Жиневра, перемѣнивъ задумчивое положеніе, въ которомъ она смотрѣла на свой холстъ, обратила голову къ ариспокрапической группѣ. Она, однимъ взглядомъ измѣрила распояніе, опдѣлявшее ее отъ оной, и продолжала хранить молчаніе.

— Она и въ мысляхъ не имѣетъ, что бы ее хотѣли обидѣть!.... сказала дѣвица Планша; потому что она не поблѣднѣла и не покраснѣла.— Какъ эти дѣвицы будутъ досадовать, если новое мѣсто, Жиневръ болѣе нравишься чѣмъ прежне!.... — Вы за чертою!.... прибавила она пошсмъ, возвыся голосъ и обращаясь къ Жиневрѣ.

Италіянка показала видъ, что не слышитъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не слыхала. Она поспѣшно вспала, и съ нѣкоторою медленностію про-

шла вдоль перегородки, опдѣлявшей масперскую отъ чулана.

Она была погружена въ размышленіе и казалось, разсмапривала съ особеннымъ вниманіемъ раму, чрезъ которую проходилъ свѣтъ. Она встала на спуль, чпо бы поднять гораздо выше зеленую саржу, уменьшающую освѣщеніе. Когда она была на сей высотѣ, то увидѣла въ перегородкѣ, около Фупа выше своей головы, небольшую прещину. Взглядъ, брошенный ею на сію щель, можно сравнить только со взоромъ скупаго, печально открывшаго сокровища Аладина. Она съ живостію спрыгнула со спула, возвратилась къ своему мѣспу, передвигала свою каршину, и казалось была недовольна свѣтомъ.

Попомъ она приставила къ перегородкѣ споль, на которомъ утвердила спуль, и, поспѣшно взобравшись

на сіе возвышеніе , удобно могла смотрѣть въ прещину. Она только одинъ взглядъ бросила въ чуланъ , нашла его освѣщеннымъ , и предметъ , предсавившійся ей , произвелъ на нее споль сильное впечатлѣніе , что она запречетала.

— Вы ушибетесь , Жиневра!.... вскричала Лаура.

Всѣ молодыя дѣвицы посмотрѣли на неоспорожную , готовую упасъ ; но какъ бы спрахъ увидѣть приближеніе къ себѣ своихъ подругъ , возвратилъ ей присутствіе духа , она снова собралась съ силами , немовѣрнымъ образомъ воспановила равневсіе , обратилась къ Лаурѣ , и съ самонадѣянностію покачивая спуль , сказала прогательнымъ голосомъ :

— Не безпокойся ! здѣсь безопаснѣе , чѣмъ на ..... !....

Она поспѣшила опдернуть занавѣсъ , слѣзла долой , какъ можно дальше

опъ чулана оподвинула сполъ и спулъ, и возврашлася къ своему спанку. Она сдѣлала еще нѣсколько попытокъ, какъ бы желая пропустить въ раму колпчесво свѣта, ей нужное; но картина мало занимала ее, и цѣлю ея было, какъ можно болѣе приблизиться къ чулану. Наконецъ, она помѣспилась, согласно съ своимъ желаніемъ, возмъ двери, и начала приготоовлять на палипрѣ краски, храня глубокое молчаніе.

Вскорѣ она, на семь мѣспѣ, гораздо явспвеннѣе услышала легкій шумъ, который претпьяго дня сполъ сильно возбудилъ ея любопытство, и открьмъ ея юному воображенію обширное поле догадокъ. Тупъ, она легко могла опмичить спльное и правильное дыханіе спящаго муцны. Любопытство ея было удовлетворено свыше

ся желаній, но она симъ открытіемъ возложила на себя чрезвычайную отвѣтственность. Она, въ прецину, видѣла изображеніе Императорскаго орла на мундирѣ, и на реманной кровати, слабо освѣщенной слуховымъ окномъ, уснувшаго офицера. Она угадала все: то былъ изгнанникъ. Теперь она страшилась, чшобы копорая нибудь изъ подругъ, подойдя посмотрѣть ея картину, не услышала бы или дыханія сего несчастнаго, или какого либо слишкомъ сильнаго храпѣнія, подобнаго тому, которое, во время послѣдняго урока, достигло ея слуха. Впрочемъ она рѣшилась остаться возлѣ сихъ дверей, полагаясь на свое искусство предотвратити ударъ судьбы.

— Лучше будетъ, когда я останусь здѣсь, думала она, чшобы предупредити всякій несчастный случай,

чѣмъ предоспавивъ бѣднаго узника въ-
пренности подругъ.

Такова была причина равнодушія,
съ копорымъ, казалось, Жиневра уви-
дѣла, что ея спанокъ перенесенъ на
другое мѣсто. Внутренно она пому
была очень рада; ибо ей можно было
черезъ то удовлетворить овладѣвшему
ею любопытству, и она въ ту мину-
ту, весьма мало заботилась открыть
поводъ, побудившій ея подругъ къ та-
кому поступку.

Ничто не можетъ быть досаднѣе
для молодыхъ дѣвицъ, впрочемъ и для
всякаго, какъ видѣшь, что придуман-
ная обида, или оскорбленіе, или колкое
слово не производятъ ожиданнаго дѣй-
ствія, и что на оныя отвѣчаютъ од-
нимъ только презрѣніемъ. Въ такомъ
случаѣ ненависть къ врагу усиливает-
ся въ насъ по мѣрѣ того, какъ онъ
душею надъ нами возвышается.

Поведеніе Жиневры ди Піомбо было загадкою для ея подругъ, какъ для привязанныхъ къ ней узами дружбы, такъ и для тѣхъ, копорыя ее не любили; ибо въ ней признавали всѣ возможные добрыя качества, кромѣ однакоже одного: злопамятства.

Хотя, въ часы проводимыя въ мастерской, рѣдко могли представиться случаи выказать злопамятство, однакоже Жиневра, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, обнаружила уже твердость характера и склонность къ мстительности, что и оставило глубокое впечатлѣніе въ умахъ ея подругъ.

Послѣ многихъ догадокъ, дѣвица Шанпа рѣшительно утвердилась въ мнѣніи, что молчаніе Италіянки свидѣтельствуетъ о примѣрной возвышенности ея души, почему кругъ, ею управляемый, вознамѣрился, по ея вну-

шенію , уничтоживъ аристократическую партію. Онѣ вполнѣ достигли своей цѣли , и своими насмѣшками успѣли побавить спѣси у правой стороны , какъ вдругъ появленіе Г-жи Сервинъ прекратило сію борьбу самолюбія.

Но дѣвица Монсорень , съ принципиальностію , всегда сопровождающею злобу , уже замѣтила , разобрала во всѣхъ подробностяхъ глубокую задумчивость Жиневры , которая , казалось , и не слышала той колко-учливой ссоры , коей она была предметомъ. Посему мщеніе дѣвицы Планша и ея подругъ , обратившееся на дѣвицу Монсорень и на ея партію , имѣло по слѣдствію , что благородныя дѣвицы начали изыскивать причину молчанія Жиневры ди Пюмбо. И такъ всѣ взоры устремились на прекрасную Ипаліанку , подвергшуюся такимъ образомъ

спрогому разбору, какъ ея пріишельницъ, такъ и ея пропивницъ. Весьма прудно скрыть малѣйшее движеніе, или чувствво отъ двѣнадцати молодыхъ дѣвушекъ, любопытныхъ, не занятыхъ дѣломъ, коихъ хитрость и оспроуміе, изощряются надъ отккрытіемъ тайны, попеременно то соспавляютъ интриги, то придумываютъ удобныя средства разспроить оныя, которыя слишкомъ хорошо знаютъ значеніе малѣйшаго пѣлодвиженія, брошеннаго взгляда, или вырвавшася восклицанія, чшобы не быть въ состояніи судить обо всемъ этомъ съ точностію. Посему, не болѣе какъ черезъ четверть часа, тайна Жиневры ди Пюмбо, была въ великой опасности быть отккрытою.

Въ сію минуту, присутствіе Г-жи Сервинъ, произвело какъ бы междуѣйствіе въ сей драмѣ, скрытно разыгры-

ваемой въ глубинѣ сихъ юныхъ сердець, коихъ чувства, мысли и поспешный ходъ выражаемы были фразами почти аллегорическими, хитрыми взглядами, плъодвиженіями и даже самымъ молчаніемъ, часпо болѣе понятнымъ, нежели разговоръ.

Лишь только Г-жа Сервинъ вошла въ масперскую, то взоры ея устремились на двери чулана, возлѣ копорыхъ сидѣла Жиневра. Въ настоящихъ обстоятельствахъ никто не проронилъ сего взора, но ни одна изъ ученицъ не обратила особеннаго вниманія на оный. Въ послѣдствіи, дѣвица Монсорень вспомнила объ выраженіи сего взгляда, и тогда уже поняла причину той недовѣрчивости, боязни и тайнственности, копорыя, въ то мгновеніе, придавали страннѣйшій блескъ глазамъ миловидной жены ихъ учителя.

— Барышни, сказала сія послѣдняя, Г. Сервинъ сего дня не можетъ прийти.

Послѣ сихъ словъ, она привѣтствовала каждую порознь, вслушаясь съ ними въ разговоръ, и получала отъ нихъ, въ свою очередь, тысячу ласкъ, которыя женщины умѣютъ выражать не только нѣжностію голоса или взглядами, но и самыми плѣдвіженіями; такимъ образомъ она подошла къ Жиневръ, волнуемой безпокойствомъ, которое она тщетно старалась скрыть.

Италіанка и жена живописца привѣтствовались взаимно дружелюбнымъ наклоненіемъ головы.

Объ хранили молчаніе, между тѣмъ, какъ первая рисовала, а другая смотрѣла на ея работу. Сильное дыханіе офицера явственнo доходило до слуха, но Г-жа Сервинъ, казалось, не слышала онаго, и ея скрытность была столь

велика, что Жиневра не могла не предположить въ ней желанія припвориться крѣпкою на ухо. Вдругъ, незнакомецъ пошевелился на своей кровати. Тогда она пристально посмопрѣла на Г-жу Сервинъ, которая, обращаясь къ ней, нимало не измѣнившись въ лицѣ, сказала:

— Право не знаю чему дать преимущество. Ваша копія нисколько не уступаетъ оригиналу!....

— Г. Сервинъ не открылъ женѣ своей сей шайны, подумала Жиневра, и, отвѣчая на привѣтствіе молодой женщины пріятною улыбкою сомнѣнія, она начала напѣвать Корсиканскую народную пѣсенку, дабы покрыть шорохъ, могущій произойти въ чуланѣ.

Молодымъ дѣвицамъ показалось столь необычайнымъ слышать пѣніе прележной Италіянки, что это ихъ край-

не удивило, и онъ смотрѣли на нее испытующими взорами; въ послѣдствіи, сіе обстоятельство послужило улпкою для *благонамѣренныхъ* предположеній ненависти. Г-жа Сервинъ вскорѣ вышла изъ мастерской, и урокъ кончился безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Всѣ ученицы уходили, а Жиневра, казалось, не имѣла намѣренія послѣдовать ихъ примѣру. Она показывала видъ, будто хочеть еще заняться работою, но желаніе, остаться одной, обнаруживалось въ ней невольно; ибо, по мѣрѣ того, какъ ея подруги выходили изъ мастерской, она брѣсала на нихъ взгляды, въ коихъ легко было прочитать неперцѣніе. Дѣвица Монсореень, сдѣлавшаяся въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ явною непріятелицею той, которая брала надъ нею верхъ во всѣхъ отношеніяхъ, отгадала что прищворное прилежаніе ея соперницы

скрывало тайну. Не разъ она была удивлена особеннымъ вниманіемъ, съ которымъ Жиневра прислушивалась къ шуму, недоходившему до слуха прочихъ. Но выраженіе во взорѣ Ипалілки, при выходѣ ученицъ изъ масперской, послужило поводомъ къ многимъ догадкамъ, и она тотчасъ рѣшилась начать дѣйствовать. Посему, оставя, съ намѣреніемъ, свой рабочій мѣшокъ, она вышла послѣ всѣхъ другихъ, и зашла поговорить на минуточку къ Г-жѣ Сервинѣ. Но вдругъ, припавъ, что забыла что-то наверху, она попи-хоньку вошла по лѣспинцѣ въ масперскую. Она увидѣла, какъ Жиневра, добравшись до щели, смотрѣла въ онаю съ такимъ глубокимъ вниманіемъ, что даже не слыхала шороха ея шаговъ; впрочемъ должно и по ска-завъ, что дѣвица Монсорень, по вы-

раженію Валтера Скопша, шла какъ бы по яйцамъ.

Когда сія послѣдняя, уходя, приблизилась къ дверямъ масперской, по умысленно кашлянула; Жиневра вздрогнула, оглянулась, увидѣла свою непріятельницу, покраснѣла какъ макъ-вый цвѣтъ, и съ поспѣшностію опдернула занавѣсъ, дабы обмануть соперницу на счетъ своихъ намѣреній; но та уже была за дверями.

Жиневра поспѣшно соскочила, убрала ящикъ съ красками и удалилась изъ масперской, унося съ собою живо напечатлѣнное въ ея памяти, изображеніе мужской головы, столь же прелестной, какъ Эндиміонова, лучшее твореніе Жиродепа, съ котораго она, за нѣсколько дней предъ симъ снимала копию. Лице незнакомца было столь же нѣжно, бѣло, непорочно, какъ и лице любимаго Діаны.

— Осудить на изгнаніе споль
молодаго челоуѣка! . . . . — Кто бы онъ
такой былъ? . . . .

Сіи два вопроса заключають вѣр-
нѣйшее выраженіе всѣхъ мыслей, занп-
мавшихъ Жиневру въ продолженіи
двухъ дней.

На претій день, сколько она ни
спараяась прийти въ масперскую пре-
жде всѣхъ своихъ подругъ, однако за-
спала уже въ оной дѣвицу Монсорень,
которая пріѣхала въ этотъ день въ
карепъ. Жиневра и ея соперница дол-
го посмапривали другъ на друга, не-
пышующими взорами, но каждая спа-
ралась дать своему лицу выраженіе,
которое бы не могло обнаружитъ ея
мыслей. Дѣвица Монсорень видѣла плѣ-
нительную голову незнакомца, но, къ
счастію и въ то же время къ несчас-
тію, не видала въ щель орловъ и мун-

дира. По сей причинѣ она перялась въ своихъ догадкахъ.

Вдругъ вошелъ Г. Сервинъ, гораздо ранѣ обыкновеннаго.

— За чѣмъ вы сѣли на это мѣсто, сударыня? сказалъ онъ Жиневрѣ, окинувъ глазами масперскую. — Здѣсь свѣтъ не хорошъ. — Сядыте поближе къ симъ дѣвицамъ, и опустите занавѣсъ.

Попомъ онъ сѣлъ подлѣ Лауры, и началъ поправлять ея рабоню.

— Признайся! воскликнулъ онъ, эта голова нарисована превосходно!... Вы скоро будете у меня впроую Жиневрою.

Учитель обошелъ всѣхъ своихъ ученицъ, дѣлая имъ разныя замѣчанія на счетъ ихъ успѣховъ, шупилъ съ ними, и, по обыкновенію, заставлялъ ихъ опасаться болѣе шутокъ, нежели самыхъ выговоровъ.

Между тѣмъ Ипаліанка не послу-
Часть I. 6

шалась Профессора. Она оспалась съ пвердымъ намѣреніемъ не перемѣнять своего мѣста. Она взяла листъ бумаги, и начала рисовать сепіею голову бѣднаго узника. Дѣло, предпріятое со спрасью, носить всегда особенный отпечапокъ. Способность живо передавать произведенія природы и воображенія, соспавляетъ геній, и часто спрась замѣняетъ оный. И въ положеніи, въ которомъ находилась Жиневра, усилія возобновишь въ памяти черты незнакомца, а можетъ быть и самая необходимость, мать великихъ предпріятій, породила въ ней необыкновенный талантъ. Голова офицера была наброшена ею на бумагу съ удивительнымъ искусствомъ. Казалось, сверхъестественная сила одушевляла глаза, руку и кисть молодой арписки. Она чувствовала внутреннее сопрясеніе, приписываемое ею спраху,

но фізіологъ опкрылъ бы въ ономъ жарь вдохновенія. Блуждающіе глаза ея часто успремлялись на подругъ, чшобы, въ случаѣ нескромности съ ихъ спороны, скрыть рисунокъ отъ ихъ прозорливости; но не смопря на сію предосторожность, она пропустила минуту, въ которую безжалостная ея непріятельница, безсмыдно навела свой лорнетъ на паннспвенную бумагу. Дѣвица Монсорень, узнавъ черты незнакомца, вдругъ подняла голову изъ за огромной рамы, за которою она укрывалась; но Жиневра немедленно спряшала рисунокъ.

— Почему же вы остались тамъ, сударыня, вопреки моему желанію? . . . спросилъ съ важностію Профессоръ у Жиневры.

Ученица съ живостію поворошила свой спанокъ пакимъ образомъ, чшо никто не могъ видѣшь ея каршини,

попомъ, положивъ на холстъ нарисованный ею портретъ, и показывая оный учипелю, сказала ему прогашельнымъ голосомъ:

— Не находите ли вы, подобно мнѣ, что въ семь мѣспѣ свѣспѣ благопріятнѣе, и не лучше ли оспашься здѣсь?...

Г. Сервинъ поблѣднѣлъ. Чело молодой дѣвушки покрылось краскою непорочности. Ничто не укроеся отъ пронцапельныхъ взоровъ ненависпи, и дѣвица Монсорень, шакъ сказапъ, участвовала въ смущеніи, волновавшемъ учипеля и ученицу.

— Вы правы, сказапъ Г. Сервинъ. — И вы скоро будете имѣпъ свѣдений болѣе меня, прибавилъ онъ съ прпнужденнымъ смѣхомъ.

Нѣсколько минупъ они хранили молчаніе, въ продолженіи котораго Профессоръ разсмапривалъ эскизъ Женевры.

— Это верхъ искусства!... вскричалъ онъ съ жаромъ арписпа.

Сіе восклицаніе было, какъ бы сигналомъ. Всѣ ученицы вспали. Дѣвица Монсорень прибѣжала съ быспропою шигра, бросающагося на свою добычу. Въ сіе мгновеніе заключенный, вѣроятно пробудившійся, пошевелился на своей кровати. Жиневра опрокинула свой табуретъ, произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ, и захохотала. Но она согнула портретъ, и успѣла спрятать его въ свой портфель прежде, чѣмъ ея грозная непріятельница могла его увидѣть. Спанокъ былъ окруженъ, и Г. Сервинъ объяснилъ ученицамъ красныя коші, которую въ это время дѣлала его любимая ученица. Всѣ были обмануты сею хитростію, исключая дѣвицы Монсорень, которая, спавъ позади своихъ подругъ, старалась достать рисунокъ, положенный

при ней въ поршфель. Жиневра, не сказавъ ни слова, взяла сей послѣдній, и поставила передъ собою. Обѣ дѣвицы посмопрѣли въ молчаніи одна на другую. Ненависть возникла между ними.

— И такъ, сударыни, прошу по мѣспамъ!.... сказалъ Г. Сервинъ. Если хопите доспигнуть такого же совершенства, то поменьше разговаривайте обѣ модахъ и балахъ, и не смоприте по верхамъ.

Когда всѣ дѣвицы заняли свои мѣста около станковъ, Г. Сервинъ сѣлъ возлѣ Жиневры.

— Не лучше ли, что тайну сію опкрыла я, а не другая? . . . сказала Испаліанка въ пол-голоса.

— Конечно, опвѣчалъ живописецъ, попому что вы папріотка . . . но ежели бы вы и не были таковою, то и тогда я бы вамъ, а не другой оную ввѣрилъ! . . . .

Учитель и ученица бросили другъ на друга пронизательный взглядъ. Они совершенно поняли взаимныя чувствованія.

Послѣ сего Жиневра рѣшилась спросить:

— Кто это? . . . .

— Это искренній другъ Лабедейера, который, почти столько же какъ и несчастный Полковникъ, содѣйствовалъ къ соединенію 7-го полка съ гренадерами острова Эльбы . . . . Онъ былъ подъ Ваперлоо, и командовалъ гвардейскимъ эскадрономъ . . . .

— Почему вы не сожгли его мундира, кивера, и не дали ему обыкновенной одежды? . . . . сказала Жиневра съ живоспїю.

— Сегодня вечеромъ мнѣ обѣщали принести оную.

— Вы бы лучше закрыли на нѣсколько дней вашу масперскую.

 Онъ скоро увидеть.

— Онъ погибнетъ . . . . сказала Жиневра. Продержите его у себя въ первыя минуны смятенія . . . . Парижъ, покажѣсь, есть еще единственное мѣсто во Франціи, гдѣ можно безопасно скрыть Императорскаго приверженца. — Онъ вамъ другъ? . . . . спросила она.

— Ишь, онъ не имѣетъ другихъ правъ на мое покровительство кромѣ своего несчастія. Вотъ какимъ образомъ онъ попалъ ко мнѣ. Тестъ мой, вступившій опять въ службу въ сію послѣднюю кампанію, встрѣтился съ симъ бѣднымъ молодымъ человекомъ, и весьма искусно спасъ его изъ рукъ шъхъ, которые задержали Лабедойера. Безумецъ! онъ хотѣлъ защищать его . . . .

— И вы его такъ называете? . . . . вскричала Жиневра, бросивъ взоръ

изумленія на живописца, который умолкъ на одно мгновеніе.

— Теснь мой находится подь слишкомъ строгимъ присмотромъ, чшобы могъ дать въ своемъ домѣ убѣжище какому нибудь изгнаннику, продолжалъ онъ. Онъ привелъ его ко мнѣ ночью на прошлой недѣлѣ. И я надѣялся скрыть его опъ всѣхъ, помѣспивъ въ эпомъ чуланѣ, который я считалъ единспвеннымъ безопаснымъ мѣспомъ.

— Ежели я могу быть вамъ полезнаю, тихо возразила молодая дѣвица, то располагайте мною!....

— Если такъ! мы съ нимъ посовѣтуемся!.... опвѣчалъ живописецъ.

Разговоръ сей продолжался слишкомъ долго, чшобы не быть замѣченнымъ всѣми молодыми дѣвицами. Г. Сервинъ оставилъ Жиневру, еще разъ обошелъ всѣхъ ученицъ, и споль долго занимался съ каждою, что былъ

еще въ мастерской, когда ударилъ часъ, въ который дѣвицы обыкновенно уходили домой.

— Вы забыли вашъ рабочій мѣшокъ, сударыня?.... вскричалъ Профессоръ, обращаясь къ дѣвицѣ Монсореень, которая унижалась до роли шпиона, чтобы удовлетворить своей ненависти.

Любопытная ученица воропилась за мѣшкомъ, припворясь будто спыдился своей разсѣянности, но самое вниманіе Г. Сервина, послужило для нее новымъ доказательствомъ, что дѣйствительно скрывается тайна, которую она только подозрѣвала. Она уже предугадала всѣ обстоятельство сего дѣла, и могла сказать, по выраженію Аббата Вертопа:

— Все готово къ приступу. (*Mon siège est fait*).

Она съ шумомъ сошла съ лѣспницы и громко прихлопнула дверью, ведущею въ покои Г. Сервина, дабы подумали, что она уходитъ; но потомъ опять взошла попихоньку по лѣспницѣ, и остановилась у дверей въ мастерскую.

Когда живописецъ и Жиневра могли думать, что они одни, то первый посмучалъ условленнымъ образомъ въ дверь чулана, копорая опворилась, проскрыпѣвъ на заржавѣвшихъ своихъ пепляхъ. Испаліанка увидѣла молодаго человѣка, высокаго, стройнаго, коего Императорскій мундиръ заставилъ трепетать ея сердце. Одна рука офицера была на повязкѣ, и блѣдность лица свидѣтельствовала о сильныхъ его спраданіяхъ. Увидѣвъ незнакомую ему особу, онъ вздрогнулъ и вскрикнулъ.

Дѣвица Монсорень, копорая ничего не могла видѣть, опасалась оспа-

вапсья долѣ. Ей довольно было и того, что слышала восклицаніе офицера и скрипъ двери. Она попихоньку ушла.

— Не опасайтесь нисколько, сказалъ живописецъ офицеру. Сія дѣвица есть дочь искреннѣйшаго приверженца Императора — Барона ди Пюмбо.

Увидѣвъ Жиневру, молодой человекъ не могъ уже сомнѣваться въ ея чувстввахъ. На лицѣ ея, въ сію минуту, сіяло нѣчто божественное.

— Вы ранены, сказала она голосомъ, изобличающимъ глубокое душевное волненіе.

— О! это ничего, сударыня. Рана уже закрывается.

Въ сіе мгновеніе, крикливые голоса разнощиковъ приговоровъ суда, слышались въ масперской:

— Вотъ рѣшеніе суда, которымъ приговоренъ къ смерти....

Всѣ прѣе вздрогнули. Узникъ, первый услышалъ имя, которое заставило его поблѣднѣть; онъ зашатался и присѣлъ.

— Лабедойеръ. . . . , сказалъ онъ.

Въ молчаніи они посмотрѣли другъ на друга. На блѣдномъ челѣ молодаго человѣка вдругъ выступили крупныя капли пота. Онъ схватилъ, съ видомъ опчаянія, свои густыя черныя волосы, и облокотился на сипанокъ Жиневры.

— Но, сказалъ онъ, вскочивъ со стула, Лабедойеръ и я, мы знали что предпринимаемъ. . . . . Намъ извѣсна была судьба, ожидавшая насъ какъ послѣ успѣха въ предпріятіяхъ, такъ и въ случаѣ неудачи. Онъ умираетъ за дѣло которое защищалъ, а я скрываюсь! . . . .

Онъ поспѣшно пошелъ къ двери мастерской; но Жиневра, будучи лег-

че его , подбѣжала къ ней прежде , и преградила ему дорогу.

— Возспанóвите ли вы Императора? . . . . сказала она ; воображаете ли вы что успѣете поднять великана, который самъ не могъ устоять! . . . .

Молодой человекъ медленно возвратился назадъ къ живописцу, который стоялъ неподвижно.

— Что же мнѣ дѣлать? . . . . сказал онъ , обращаясь къ двумъ друзьямъ , посланнымъ ему Провидѣніемъ. У меня въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ ни одного родственника. Императоръ былъ мнѣ опцомъ, а Лабедейеръ, другомъ.— Въ нихъ заключалось все мое семейство. Я одинокъ. Завтра, быть можетъ, осудятъ меня или на изгнаніе, или на смерть. Никогда не было у меня другихъ доходовъ, кромѣ жалованья. Я испрашилъ послѣдній свой ефимокъ, съ намѣреніемъ спасти Лабе-

дойера, и увезти его. И такъ, смерть для меня необходима. — Она для меня пристань безопасная! — Кпо рѣшился умереть, попъ долженъ умѣть продать палачу свою голову. Мнѣ, сей часъ, пришло на мысль, что жизнь честнаго человѣка конечно стоить жизни двухъ измѣнниковъ, и что ударъ кинжала можетъ доставить безсмертіе! . . .

Сей порывъ отчаянія успрашилъ живописца и даже Жиневру; но она поняла молодого человѣка. Она съ восхищеніемъ смотрѣла на его прекрасную голову, и внимала плѣнительному голосу, котораго сладость едва-ли измѣняло самое даже испугленіе. Тутъ рѣшилась она, вдругъ излишь цѣлительный бальзамъ на всѣ раны злосчастнаго.

— Что касается до разстройства вашихъ денежныхъ обстоятельствъ,

сказала она, обращаясь къ офицеру, то позволите мнѣ предложить вамъ восемь сотъ франковъ. . . . Они принадлежатъ мнѣ. Отецъ мой богатъ, я единородная его дочь, онъ меня любитъ, и я совершенно увѣрена, что не будетъ укорять меня. . . . Не откажите изъ чувства ложнаго стыда. Все наше имущество есть даръ Императора: у насъ нѣтъ ни одного обремененнаго, который не напоминалъ бы намъ его щедрости. Оказавъ услугу вѣрному его солдату, не значить ли показавъ себя благодарнымъ. И такъ, примите сіи деньги съ такимъ же просердечіемъ, съ какимъ я вамъ ихъ предлагаю. Вѣдь это только деньги! . . . прибавила она презрительно.

— Теперь, что касается до друзей . . . вы ихъ найдете . . .

Тутъ Жиневра подняла гордо голову, и глаза ея просіяли необычайнымъ блескомъ.

— Жизнь, которая прекратилась завтра отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ, спасетъ вашу!.... возразила она. Обождите, пока эта гроза пройдетъ, и тогда вамъ можно будетъ искать службы за границей, если васъ здѣсь забудутъ....

Въ упѣшеніяхъ, получаемыхъ нами отъ женщины, есть какая-то особенная нѣжность, похожая на материнскую, заботливость дальновидная, всеобъемлющая; но когда къ ея словамъ мира и надежды присоединяется пріятность въ шлодвиженіяхъ, краснорѣчіе глубоко тронутаго сердца, и особенно, если благодѣтельница прекрасна, то мужчинѣ почти невозможно не покориться ея волю.

Молодой офицеръ вдохнулъ въ себя любовь всѣми чувствами. Онъ былъ въ восхищеніи. Блѣдныя щеки его покрылись легкимъ румянцемъ, глаза поперяли нѣсколькошой задумчивости, копорая ихъ омрачала, и онъ сказалъ съ особеннымъ чувствомъ:

— Вы ангелъ доброты! - . . . — Но Лабедойеръ . . . . прибавилъ онъ , Лабедойеръ! . . . .

При семъ восклицаніи всѣ шрое посмотрѣли другъ на друга въ молчаніи, и поняли взаимныя чувствованія. Они были уже не двадцати-минушныя, но двадцати-лѣтніе друзья.

— Любезный другъ , прервалъ Г. Сервинъ, можете ли вы спасти его? . . .

— Нѣтъ, но могу опмститъ за него! . . . .

Жиневра вздрогнула.

Незнакомецъ , какъ мущина, былъ, можетъ быть , слишкомъ красивъ со-

бою, однако же онъ своею красотою не произвелъ никакого впечатлѣнія на молодую дѣвицу; потому, что нѣжная сострадательность, свойственная женщинамъ, къ бѣдспвіямъ опъ благородныхъ причинъ происходящимъ, подавляла въ ней всѣ другія чувствованія: но услышавъ гласъ мщенія, опкрывъ въ изгнанникѣ душу Италіянскую, видѣвъ въ немъ готовность жертвовать собою за Наполеона, найши такое великодушіе . . . . успоявъ противъ эпаго — было свыше силъ ея.

Она смопрѣла на него съ уваженіемъ и участіемъ; сердце ея было сильно пронумо. Въ первый разъ мущина произвелъ въ ней чувства споль пылкія. Она упѣшалась мыслию, что возвышенность души его, вполне соотвѣтствуетъ прекраснымъ, благороднымъ чертамъ лица и спройной наружности плѣнившимъ ее, какъ ар-

писпкку. Случай возбудишь въ ней любопытство, а потомъ и состраданельность, которая, въ свою очередь, возродила въ ней живѣйшее соучастіе и ощущенія столь сильныя, что она уже опасалась долѣе оставаться съ нимъ.

— Завтра увидимся! . . . сказала она офицеру, посмопря на него съ такою улыбкою, что казалось, желала оставить ему оную для утѣшенія.

Увидѣвъ столь плѣнительную улыбку, озарившую новымъ блескомъ лице Жиневры, незнакомецъ въ одно мгновеніе забылъ все въ мірѣ. И въ самомъ дѣлѣ, она въ ту минуту, не успукала въ красота Индейской Пери.

— Завтра, опвѣчалъ онъ печально, по нѣкопоромъ молчанія, завтра, Лабедойеръ. . . .

Жиневра оглянулась, приложила палецъ къ успамъ, и посмспрѣла на него съ видомъ, будто хотѣла сказать:

— Успокойтесь, будьте осторожны . . . .

Тогда молодой человекъ воскликнулъ: — *O Dio! che non vorrei vivere dopo averla veduta! . . . .* (О Боже! кто увидѣвъ ее, не согласился жить! . . . .)

Жиневра вздрогнула, услышавъ нарѣчіе, которымъ онъ произнесъ сіи слова.

— Вы Корсиканецъ? . . . . воскликнула она, приближаясь къ нему съ радостнымъ изумленіемъ.

— Я родился въ Корсикѣ, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ перевезенъ въ Генуу, и достигнувъ того возраста, въ которомъ поступающъ въ военную службу, я опредѣлился въ оную.

Красота незнакомца уже не обращала на себя вниманія Жиневры. Сверхъестественное влеченіе, производимое его приверженностію къ Императору, его рана, его несчастія, да-

же опасность въ которой онъ находился, все было забыто ею, или, лучше сказать, все слилось въ одно чувство, для нее новое, неизъяснимо-пріятное. Изгнанникъ говорилъ нарѣчіемъ, обожаемымъ Жиневрою; онъ былъ сынъ Корсики. Молодая дѣва, какъ бы удерживаемая нѣкоторымъ магическимъ ощущеніемъ, пребыла одно мгновеніе неподвижною. Дѣйствительно, она имѣла передъ собою живую картину, которую соединеніе всѣхъ человѣческихъ чувствованій и случай, оживляли самыми яркими красками.

По приглашенію Г. Сервина, офицеръ сѣлъ на диванъ; живописецъ развязалъ повязку, на которой висѣла рука гостя его, началъ съ нее снимать бинты, дабы потомъ перевязать рану. Жиневра почувствовала дрожь, когда увидѣла длинную и широкую рану, нанесенную молодому человѣку сабель-

нымъ ударомъ. Она вскрикнула. Незнакомецъ обрапилъ къ ней голову, и улыбнулся. Нельзя было не быть пронупымъ до глубины сердца смотря на особенное спараніе, съ которымъ живописецъ снималъ корпію и осмапривалъ рану, между пшмъ какъ лице раненаго, хопя блѣдное и болѣзненное, выражало въ присутствіи молодой дѣвицы, болѣе радости, нежели спраданія. Арписпка невольнo должна была плѣнисья симъ пропиворѣчіемъ чувспвованій, и пропивуположноспію, производимою бѣлизною тонкаго бѣлья и нагопою руки съ синимъ и краснымъ цвѣпомъ офицерскаго мундира.

Въ сію минупу, легкій сумракъ облекалъ масперскую. Солнце послѣднимъ лучемъ освѣщало мѣспо, гдѣ находился изгнанникъ, шакъ, что благородное, блѣдное лице его, черные волосы, одежда, были озарены свѣпомъ.

Это показалось какъ бы предзнаменованіемъ для суевѣрной Ипаліанки. Въ то мгновеніе незнакомецъ походилъ на свѣтзарнаго ангела. Она слышала опъ него звуки роднаго пмъ языка, и была очарована воспоминаніями дней ея юности, между пѣмъ, какъ въ ея сердцѣ уже раждалось новое чувство, столь же чистое, непорочное, какъ и первый ея возрастъ невинности. Глубокое молчаніе царствовало въ масперской. Все способствовало къ впечатлѣнію сей сцены въ памяти Жиневры. Одно мгновеніе она пребыла задумчивою, какъ бы погруженною въ безконечныя мечты, потомъ, краснѣя что обнаружила свою мечтательность, она помѣнялась съ изгнанникомъ сладостнымъ, но быспрымъ взглядомъ, и поспѣшно удалилась, не сводя съ него глазъ.

На другой день Жиневра пришла въ масперскую; и какъ день сей не былъ класснымъ, по изгнанникъ провель его съ своею соотечественницею. Г. Сервинъ, желавшій именно въ сей день окончивъ одинъ эскизъ, позволилъ узнику оспаться въ масперской и служилъ менпоромъ молодымъ людямъ, которые часно разговаривали между собою по-Италіянски.

Бѣдный воинъ рассказывалъ сраданія, преперпѣнныя имъ во время бѣгства изъ Москвы. Онъ, девятнадцати лѣтъ, былъ при переходѣ черезъ Березину, одинъ изъ цѣлаго полка, потерявъ всѣхъ своихъ поварихъ, кромѣ которыхъ никто не могъ брать участіе въ сиротѣ. Онъ огненными красками описывалъ ужасное пораженіе подъ Ватерлоо. Голосъ его былъ музыкою для Италіянки. Жиневра не получила Французскаго воспитанія:

она, нѣкоторымъ образомъ , была дочерью природы, и не знала лжи. Съ характеромъ пвердымъ и краскою необыкновенною , она была чистосердечна ; ибо прямо предавалась своимъ чувствованіямъ, и не скрывала оныхъ, или, лучше сказать, она предоставляла на волю каждаго отгадать ихъ, не употребляя расчепливаго жеманства, свойственнаго молодымъ Парижскимъ дѣвушкамъ. А попому въ продолженіи того дня , нерѣдко случалось , что съ палитрою въ одной , и кистью въ другой рукѣ, она забывала свою работу. Вперивъ взоры на офицера, и раскрывъ уста, она внимала его словамъ, всегда готовая приняться за дѣло , и ни разу не начиная онаго. Она не удивлялась тому, что находила сколько нѣжности въ глазахъ молодаго человека, ибо чувствовала что и ея ресницы невольно начинали увлажняться

ся. Наконецъ она принималась опять за работу, и писала съ особеннымъ спараніемъ нѣсколько часовъ сряду, не поднимая головы попому, что онъ былъ съ нею, и смотрѣлъ на ея занятія. Въ первый разъ, какъ онъ сълъ возлѣ нее, чтобы безмолвно насладиться ея присутствіемъ, она сказала ему съ чувствительностію, послѣ продолжительнаго молчанія:

— И такъ вы находите удовольствіе смотрѣть какъ рисуютъ?....

Въ этотъ день она узнала, что его зовутъ Людовикомъ. Передъ разсаваніемъ они условились, что если случится какое нибудь важное политическое дѣло, то Жиневра, въ классные дни, будетъ его о томъ извѣщать, напѣвая тихимъ голосомъ Испаліанскія аріи.

На другой день, дѣвица Монсорень объявила, подъ секретомъ, всѣмъ сво-

имъ подругамъ, что Жиневра ди Пимбо была любима однимъ молодымъ человекомъ, который, во время лекцій, скрывался въ темномъ чуланѣ масперской.

— Вы, которая вѣчно берете ея сторону, сказала она дѣвицѣ Планта, наблюдайте за нею, и увидите, чѣмъ она будетъ заниматься.

И такъ за Жиневрою надзирали съ самою сапанинскою зоркостью. Подслушивали своиравныя ея пѣсенки, ловили всѣ ея взоры. Въ то время, когда она нисколько не подозрѣвала быть предметомъ вниманія, съ дюжину глазъ были на нее вперены. Будучи заблаговременно предупреждены, сии дѣвицы съ точностью угадывали чувства, попеременно выражавшіяся на прелестномъ лицѣ Испаліанки, смыслъ всѣхъ ея пѣлдвиженій и измѣненій голоса въ ея напѣвахъ, нако-

нецъ и причину того вниманія, съ которыми она вслушивалась въ невнятные звуки, ей одной слышные изъ-за перегородки.

По прошествіи недѣли, только одна изъ пятнадцати ученицъ Г. Сервина не имѣла случая видѣть Людовика въ щель перегородки.... то была Лаура, та самая молодая, хорошенькая дѣвица, бѣдная и прилѣжная, которая, чувствуя себя отверженною, искренно любила Жиневру, и еще защищала ее. Дѣвица Планша пыталась было уговорить Лауру оспаться на лѣспинцѣ послѣ ухода ученицъ изъ мастерской, дабы увѣрить ее въ связи Жиневры съ молодымъ человѣкомъ, заставъ ихъ вмѣстѣ; но Лаура не хотѣла унижить себя шпионствомъ, котораго любопытство не могло оправдать: а потому она содѣлалась, между

прежними своими подругами, предметомъ сильнаго негодованія.

Когда Графъ Монсорень получилъ достоинство Пера Франціи, то высокомерная дочь его сочла, что въ ея новомъ званіи неприлично посѣщать масперскую живописца, пѣтъ болѣе такого, коего мнѣнія опзывались Бонапартизмомъ, и такъ она переспала ѣздить къ Г. Сервину, которій, въ свою очередь, опказался ходить къ ней на домъ. Ей легко было забыть Жиневру; но посѣянное ею зло должно было принести плоды.

И дѣйствительно, случайно ли, своею ли болпливостію, или опъ ханженства, другія молодыя дѣвицы опкрыли своимъ маперямъ о странной инпригѣ, происходившей въ масперской. Общій ропотъ неудовольствія возникъ во всѣхъ семействахъ. Одинъ день не пришла къ уроку дѣвица План-

та; на слѣдующій другая ученица. Наконецъ и послѣднія при или чепыре дѣвицы, посѣщавшія еще масперскую, переспали приходиль.

Масперская опустѣла. Жиневра и дѣвица Лаура, ея маленькая пріятельница, въ продолженіи двухъ или трехъ дней, были единственными обитательницами сей обширной пустыни. Импаліанка не обращала вниманія на опустѣніе масперской, и даже не старалась изыскивать причину отсутствія другихъ ученицъ. Открывъ недавно способъ вести тайную переписку съ Людовикомъ, она проводила тамъ время какъ въ прелестномъ убѣжищѣ, одна посреди вселенной, думая объ одномъ только офицерѣ и объ угрожающихъ ему опасностяхъ.

Жиневра, столь почтившая благородство характера, упрашивала Людовика, чтобы онъ скорѣе покорился

власти Королевской; но Людовикъ не соглашался оставить свое убежище. Если спраши раждаюся и пріобрѣтаюся силу только подѣ вліяніемъ необыкновенныхъ, романическихъ приключеній, то можно сказать, что никогда спеченіе сполькихъ обстоятельство не благопріятствовало болѣе къ соединенію двухъ существъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ. Взаимная дружба Жиневры и Людовика, въ продолженіи одного мѣсяца, утвердилась болѣе, нежели сколько можеть въ продолженіи десяти лѣтъ свѣтская дружба, раждающаяся въ госпинахъ. Злостаспіе еспѣ оселокъ для познанія характера; Жиневра же легко могла узнать Людовика и оцѣнить его. Они вскорѣ почувствовали уваженіе другъ къ другу. Къ тому жѣ, Жиневра, будучи старше Людовика, находила чрезвычайную сладость въ мысли, что бы-

ла предметомъ обожанія молодаго человека съ чувствами споль возвышенными, испытаннаго судьбою, и который соединялъ въ себѣ опытность прищцапи-лѣтняго мужа съ красою и ловкостію юноши. Съ своей стороны, Людовикъ чувствовалъ неизрѣченное удовольствіе, бытъ, по видимому, подъ покровительствомъ молодой, двадцапи-лѣтней дѣвицы. Въ семъ чувствѣ таилась нѣкоторая неизъяснимая гордость. Она была порукою любви. Соединеніе твердости духа съ слабостію, крепости съ гордостію, влекло Людовика съ непреоборимою силою къ Жиневрѣ, и онъ совершенно покорился ея власти. Они уже съ такимъ жаромъ любили другъ друга, что взаимное въ томъ сознаніе, или прищворство были бы излишними. Тонкое чувство приличій, согласіе нравовъ напол-

няли очаровательностию ихъ безмятежную жизнь.

Однажды вечеромъ Жиневра услышала вождемѣнный сигналъ. Людовикъ поступалъ булавкою по деревянной перегородкѣ, производя звукъ споль же тихій, какъ паукъ прикрѣпляющій свои сѣти. Это означало что онъ желаетъ выйти изъ своего убѣжища. Испаліанка, окинувъ глазами мастерскую, и не замѣтивъ Лауры, отвѣчала на сигналъ. Людовикъ отворилъ дверь, но какъ онъ, стоя, могъ обозрѣть все происшествіе мастерской, то увидѣлъ скромную дѣвушку, почему поспѣшно и скрылся въ чуланъ. Удивленная Жиневра вспала, замѣтила Лауру, и, подошедши къ ней, сказала:

— Вы засидѣлись, милый ангель. Мнѣ кажется что эта голова совсѣмъ у же окончена. Остается только озна-

чпшь рефлекцію въ верхней части эпошй косы.

— Какъ бы я вамъ была благодарна, сказала Лаура прогашельнымъ голосомъ, если бы вы согласились поправить мнѣ эпшу копию, тогда бы я имѣла хопъ чшо нибудь опть васъ на память . . . .

— Охотно, отвѣчала Жиневра, будучи увѣрена, чшо шѣмъ скорѣе опть нее опдѣлается. — Я думала, продолжала она, принимаясь за работу, чшо вы далеко живете опть масперской?

— О! Жиневра, я сей часъ уйду! . . . . вскричала молодая дѣвушка со слезами, и навсегда . . . .

Син прогашельныя слова не прозвели уже на Ишаміянку того впечатлѣнія, которе бы они сдѣлали на нее за мѣсяць передъ симъ.

— Вы намѣрены оставить Г. Сервина? спросила она.

— Развѣ вы не замѣчаете, Жиневра, что съ нѣкоторыхъ поръ, кромѣ васъ и меня, никто сюда не приходитъ.

— Правда!.... отвѣчала Жиневра, какъ бы пораженная нѣкоторымъ воспоминаніемъ.... Не больны ли эти дѣвицы?.... не выходятъ ли замужъ?... или не возведены ли ужъ ихъ опцы въ достоинство Перовъ.....

— Всѣ оставили Г. Сервина.... отвѣчала Лаура.

— А почему?....

— Вы тому причиною, Жиневра!...

— Я! повторила Испаліанка, вспавая съ мѣста съ гордымъ, гнѣвнымъ лицомъ и сверкающими глазами.

— О! не сердитесь, милая Жиневра, вскричала гореспно Лаура. Но мапушка моя пребуепъ, чтообы и я оставила масперскую. Всѣ наши дѣвицы сказали, что у васъ еспъ любовникъ, что Г. Сервинъ позволяепъ ему

жпшь въ темномъ чуланѣ. . . . Я не хотѣла этому вѣрять, и ничего не говорила своей мапушкѣ; но вчера вечеромъ, Г-жа Планта, вспрѣпившая ее на балу, спросила, продолжаю ли я посѣщать мастерскую. На утвердительный отвѣтъ маменьки, она пересказала ей всѣ клеветы сихъ двѣищъ. Мапушка меня очень бранила, предполагая, что я вѣрно знала все, и не оказала къ ней довѣренности, не уведомивъ ее о происходившемъ. Ахъ, милая Жиневра! я, которая считала васъ образцомъ и споль желала походить на васъ! . . . Какъ мнѣ больно, что не могу болѣе быть вашимъ другомъ. . . . Будьте осторожны! Г-жа Планта и мапушка прїѣдутъ завтра къ Г. Сервину, чтобы сдѣлать ему выговоръ.

Молнія, ударившая въ двухъ шагахъ отъ Жиневры, не поразила бы ее столько, какъ сіе открытіе.

— Какое имъ до эшаго было дѣло! . . . . сказала она просподушно.

— Всѣ находящъ это очень неприличнымъ. Машушка говоритъ, что это прошивно нравственности. . . .

— А вы, Лаура, что объ этомъ думаете?

Молодая дѣвушка взглянула на Жиневру. Мысли ихъ смѣшались. Лаура не удерживала болѣе слезъ, брослась обнимать свою подругу, и поцѣловала ее.

Въ сію минуу вошелъ Г. Сервинъ.

— Я окончилъ свою каршину! . . . . сказалъ онъ съ энтузіазмомъ, обращаясь къ Жиневрѣ. — Ее покрываютъ лакомъ! — Что съ вами такое? . . . Кажется у нашихъ дѣвицъ самовольныя каникулы, или онъ разѣхался по дачамъ. . . .

Лаура, поспѣшно осушивъ слезы, поклонилась Г. Сервину, и удаллась.

— Вотъ уже претій день, сказала Жиневра, какъ масперская опустилась. . . . Ученицы ваши не будутъ больше посѣщать оную.

— Ба! . . . .

— О, не смѣйпесь! . . . . возразила Жиневра, прежде выслушайте меня. Я была невольною причиною попери вашей репутаціи. . . .

Арписпъ улыбнулся, и сказалъ, прервавъ свою ученицу:

— Моей репутаціи! черезъ нѣсколько дней будетъ выставлена моя картина.

— Тутъ не объ вашемъ талантѣ рѣчь, сказала Ипаліанка. Дѣвицы сіи разгласили, что Г. Людовикъ скрывался здѣсь, что онъ меня любитъ, что вы все знали, и благопріятствовали. . . . нашей. . . . любви.

— Чпозъ! тутъ много правды, сударыня, отвѣчалъ Профессоръ. . . .

Жиневра покраснѣла.

— Маперн сихъ дѣвицъ набитыя дуры, продолжалъ онъ. Когда бы онѣ спросили у меня, по все бы объяснилось; но беспокоишься объ эгихъ полкахъ? право не спойтъ; жизнь такъ коропка!

И живописецъ щелкнулъ пальцами надъ своею головою.

Людвикъ, услышавшій часть сего разговора, прибѣжалъ немедленно.

— Вы потеряли всѣхъ вашихъ ученицъ! вскричалъ онъ, и я причиною вашего раззоренія.

Арписпъ, взявъ руки Людовика и Жиневры, соединилъ ихъ.

— Вы обвиняетесь, мой другъ?... спросилъ онъ ихъ съ трогательнымъ радушіемъ.

Оба опустили взоры, и молчаніе ихъ было первымъ признаніемъ, которое они сдѣлали другъ другу.

— И такъ! сказалъ Г. Сервинъ, вы будете счастливы, не правда ли? Можеть ли чтонибудь равняться съ удовольствіемъ успроить благополучіе двухъ существъ, подобныхъ вамъ?.....

— Я богата!....сказала Жиневра, и вы позволите мнѣ вознаградить васъ.....

— Вознаградишь! вскричалъ Г. Сервинъ. Да когда узнаюшь, что я былъ жертвою клеветы нѣсколькихъ дуръ, что я скрывалъ изгнанника, по всѣ Париж.....пришлюшь ко мнѣ своихъ дочерей. И тогда я же буду вашимъ должникомъ.....

Людовикъ пожалъ руку своего покровителя, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова; но наконецъ сказалъ умиленнымъ голосомъ:

— Слѣдовательно вамъ я буду обязанъ моею Жиневрою и блаженствомъ моею жизнью....

— Будьте счастливы! сказалъ живописецъ съ комическимъ благочестіемъ, и, возлагая руки на главы любовниковъ, прибавилъ: я васъ соединяю!...

Сія шупка арпіста положила конецъ ихъ умиленію. Они всё прое, смѣясь, посмопрѣли другъ на друга, потому что всё прое были веселаго характера.

Ипаліанка пожала руку Людовика съ горячностію и опкровенностію, свойственными простотѣ нравовъ ея отечества.

То была торжественная минута, воспоминаніе копорой долженствовало быть вѣчнымъ.

— Ну, любезныя дѣшн, сказалъ наконецъ Г. Сервинъ, вы уже думаете, что все идетъ какъ нельзя лучше? — Нѣтъ, ошибаетесь.

Любовники посмопрѣли на него съ удивленіемъ.

— Успокойтесь, меня одного вводяще въ хлопоты ваши проказы! Г-жа Сервинъ на эпопъ счетъ *суцая смиренница*, и я право не знаю, какъ намъ поладить съ нею . . . .

— Боже мой! я было забыла! вскричала Жиневра. Завтра Г-жа Планша и машь Лауры прїѣдутъ къ вамъ съ пѣмъ, чшобы . . . .

— Понимаю! сказалъ, прервавъ ее, живописецъ.

— Но вы можете оправдаться, возразила молодая дѣвушка, принимая на себя гордый видъ. — Господинъ Людовикъ, сказала она, обращаясь къ нему и лукаво посмопря на него, не долженъ болѣе показывать опвращеніе оупъ Королевскаго правленія? . . . .

Людовикъ улыбнулся.

— И такъ, продолжала она, завтра поупру я пошлю прошеніе къ одной особѣ, копорая имѣеть большое влія-

ніе на Военнаго Министра, и не можеть опказать ни въ чемъ дочери Барона дн Пюмбо. Мы получимъ тайное прощеніе для Людовика. — И вы можете, прибавила она обращаясь къ Г. Сервину, смѣшать матерей моихъ *доброжелательныхъ* подругъ, объявивъ имъ истину.

— Вы ангель! . . . . вскричалъ Г. Сервинъ.

Сцена сія рѣшила судьбу Жиневры.

Н Е П О С Л У Ш А Н І Е.

— Уже шесть часовъ, а Жиневра еще не возвратилась! . . . . вскричалъ Барполомео.

— Она никогда не заставляла такъ долго ждать себя! отвѣчала жена его.

Спарики посмотрѣли другъ на друга съ необыкновеннымъ безпокойствомъ. Барполомео, слишкомъ встревоженный, не могъ сидѣть на мѣстѣ, всталъ, и обошелъ два раза вокругъ госпоини, довольно скоро для семидесяти семи-лѣтняго спарика.

Благодаря своему крѣпкому сложенію, Пюмбо мало перемѣнился со дня

прибытія въ Парижъ. Не смотря на высокій ростъ, онъ держалъ себя прямо; но его волосы, рѣдкіе и какъ лунь сѣдые, открывали широкій и мѣстами выпуклый черепъ, который давалъ высокое понятіе объ его характеръ и твердости. Широкое лицо его сохранило блѣдный цвѣтъ, внушающій почтеніе. Глубокія морщины покрывали его чело. Пыль спраспей блиспалъ еще въ его очахъ сверхъестественнымъ огнемъ; брови же, несовершенно посѣдѣвшія, не потеряли еще угрюмой выразительности. Правда, онъ былъ суровъ, но долженъ былъ имѣть сурогій видъ. Добропу и крепость его сердца знали только жена и дочь: потому что, на службѣ и передъ постороннимъ, онъ не оставялъ того величественнаго вида, который время напечатлѣло на его лицѣ, и который сопровождалъ всѣ его движенія. Онъ

даже имѣлъ привычку хмурить свои густыя брови и чело, морщить лице, и давалъ взору неподвижность, что и дѣйствительно дѣлало его мало доступнымъ.

Въ продолженіи его политической жизни, всѣ вообще спрашивали его такъ, что считали мало склоннымъ къ общежитію. Но не трудно объяснить какимъ образомъ онъ подалъ подобное о себѣ мнѣніе. Жизнь, нравы и вѣрность Пюмбо составляли разительную противоположность съ привычками и склонностями бѣльшей части придворныхъ.

Бартоломео былъ самой строгой честности. Не смотря на дѣлаемые ему щекопливыя порученія, которыя бы могли обогатить всякаго другаго, онъ не имѣлъ болѣе двѣнадцати тысячъ ливровъ дохода, получаемыхъ имъ изъ Государственнаго Казначейства.

Впрочемъ , если обратимъ вниманіе на упадокъ кредита и на щедрость Наполеона къ тѣмъ изъ своихъ пріверженцовъ , которые были искашельны , то легко удостовѣриться , что Баронъ ди Пюмбо былъ человекъ весьма не корыслолюбивый. Даже Баронскими перьями (*) обязанъ онъ былъ необходимости , принудившей Наполеона дать сіе званіе своему тайному посланнику къ одному иносстранному Двору. Барполомео всегда обнаруживалъ непреодолимую ненависть къ измѣнникамъ , коими Наполеонъ былъ окруженъ. Онъ же , какъ говорятъ , подавъ Императору совѣтъ удалить отъ себя прехъ особъ , сдѣлалъ при шага къ двери его кабинета , накану-

---

(*) Жемчужины , помѣщаемыя надъ геральдическими коронами , были , въ гербахъ Императорскаго дворянства , замѣнены перьями.

нѣ того дня, въ который онъ отпра-
вился въ знаменитую и примѣчатель-
ную кампанію 1814-го года.

Съ 8-го Іюля Бартоломео не по-
силъ ордена почетнаго легіона. . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

Хотя Баронъ ди Піомбо не былъ лю-
бимъ нѣкопорыми, за то друзьями
его были Друотъ, Дарю, Карнопъ.
Чтоже касается до остальныхъ по-
литическихъ особъ, то онъ, въ осо-
бенности съ 8-го Іюля, споль же мало
заболлся объ нихъ, какъ и объ вы-
пускаемомъ дымъ, когда курилъ ци-
гарку.

Пророчество Наполеона сбылось,
потому что Піомбо пріобрѣлъ, за до-
вольно незначительную сумму, дан-
ную ему матерью Императора, за имѣ-
ніе принадлежавшее ему въ Корсикѣ,

старый домъ Графовъ Живри, въ которомъ онъ не сдѣлалъ нисколько перемены. Почти всегда имѣя квартиру отъ Правительсва, онъ въ семь домъ поселился только послѣ дѣла при Фоншенбло. Слѣдуя привычкамъ людей скромныхъ и добродѣтельныхъ, Баронъ и жена его не хотѣли блистать наружною пышностію: мебели у нихъ было мало, да и той бѣлая часть принадлежала къ древнему убранству дома. Но должно также сказать, что пространные, высокіе, темные покои, голые ихъ спальни, большіе зеркала въ огромныхъ, вензельныхъ, позолоченныхъ и почти черныхъ рамахъ, удивительнымъ образомъ приличествовали Бартоломео и его женѣ, весьма походившимъ на чепу древнихъ временъ.

Во время Императорскаго правленія и въ продолженіе ста дней, Бар-

поломео , имѣя по мѣспу значительный окладъ , жилъ открыто ; но больше съ цѣлю сдѣлать честь мѣспу , чѣмъ съ намѣреніемъ блеснуть . Жизнь его и жены была такъ скромна , такъ спокойна , что ихъ небольшого состоянія весьма достаточно было къ удовлетворенію житейскихъ нуждъ . Въ глазахъ ихъ Жиневра превышала всѣ сокровища въ мірѣ ; она составляла ихъ счастье , и все повиновалось не только ея желаніямъ , но даже прихотямъ . Слово ея было закономъ для всего дома .

Когда въ Майѣ 1814-го года , Баронъ Піомбо оставилъ свое мѣсто , распустилъ людей и не спалъ держать экипажа , Жиневра безъ сожалѣнія видѣла сіи перемены . Она была проста и не любила пышности , подобно своимъ родителямъ . По примѣру великихъ душъ , она считала возвышенность

чувствъ первымъ условіемъ счастія, а уединеніе и пруды верховнымъ блаженствомъ. Сверхъ того, сіи при существа любили другъ друга съ такою горячностію, что внѣшнія удовольствія жизни не имѣли въ ихъ глазахъ никакой цѣны.

Часто, и въ особенності послѣ вѣпораго и ужаснаго паденія Наполеона, Бартоломео и жена его проводили блаженные вечера, слушая игру на фортепiano или пѣніе Жиневры. Они находили неописанное тайное удовольствіе въ каждомъ звукѣ голоса ихъ дочери. Они, съ нѣжною заботливостію, слѣдовали глазами за всѣми ея движеніями. Они слышали малѣйшій шумъ ея шаговъ по двору. Подобно любовникамъ, они всѣ прое цѣлые часы проводили въ молчаніи, понимая лучше словъ краснорѣчіе ихъ сердець. Сіе глубокое чувство было жизнію роди-

пелей Жиневры и одушевляло всѣ ихъ мысли. Это были не три раздѣльных лица, но скорѣе одна жизнь, которая, подобно пламени очага, раздѣлялась на три огненные опрасли.

Иногда воспоминаніе о благодѣлїяхъ и о бѣдствїяхъ Наполеона, или дѣла погдашней полипикки одерживали верхъ надъ поспоянною заботливоспію спариковъ, попому только, что и Жиневра раздѣляла ихъ полипическія спрасли. Горячность, съ которою они искали утѣщенїя въ боѣпомъ добродѣтелями сердець ихъ единспвенной дочери, была весьма еспеспвенна. До сего времени занятїя жизни, посвященной общему благу, поглащали необыкновенную душевную силу Пюмбо; но оставивъ службу, Корсиканецъ обрапилъ всѣ способности души на послѣднее, оставшееся ему чувство. Сверхъ того, кромѣ узъ,

привязывающихъ отца и мать къ ихъ дочери, существовала, можетъ быть, причина, невѣдомая симъ премъ своимъ душамъ, и возбуждала въ нихъ взаимную привязанность съ нѣкоторымъ фанатизмомъ: они любили другъ друга, и никого болѣе. Сердце Жиневры, безъ изъясненія, принадлежало ей отцу, такъ какъ его сердце, ей. И если справедливо, что мы привязываемся къ другимъ болѣе по сходству нашихъ дурныхъ, нежели хорошихъ качествъ, то Жиневра вполнѣ описывала всѣмъ склонностямъ ее отца.

Отсюда происходило единое несовершенство сей происвенной жизни.

Жиневра имѣла крупной нравъ, была мстительна, заносчива, какъ и Бартоломео въ лѣта своей молодости. Корсиканецъ попытка развить сіи

дикія спраспи въ юномъ сердцѣ дочери, подобно льву, пріучающему своихъ дѣпищъ бросаться на добычу. Но какъ шаковые уроки въ мщеніи, не могли бытъ приведены въ исполненіе въ иномъ мѣспѣ, какъ только въ домѣ родителскомъ, попому-то Жиневра всегда была наспойчива въ опношеніи къ опцу, и онъ долженъ былъ успупать ей.

Піомбо видѣлъ въ сихъ часпо возобновляемыхъ ссорахъ одно только ребячеспво, но Жиневра привыкла власпвовать надъ своими родителами. Въ пылу жаркихъ преній, копорыя Барполомео любилъ возбуждать, одно нѣжное слово, одинъ взглядъ усмирлялъ ихъ гнѣвный духъ, и поцѣлуй всегда полагалъ конецъ угрозамъ.

Но прошло уже пять лѣтъ, какъ Жиневра, сдѣлавшаяся благоразумнѣе своего опца, вознамѣрилась избѣгать подобныхъ сценъ. Привязанность къ

родителямъ , преданность къ нимъ , любовь , одушевлявшая всѣ ея мысли и необыкновенный здравый умъ , побѣдили въ ней наконецъ склонность къ гнѣву.

Но шѣмъ не менѣе произошло уже великое зло ; ибо Жиневра всегда держала себя въ отношеніи къ отцу и матери какъ равная , что можетъ имѣть гибельныя слѣдствія.

Наконецъ , чтобы дать полное понятіе о всѣхъ перемѣнахъ , происшедшихъ въ кругу сихъ трехъ лицъ , со времени ихъ пріѣзда въ Парижъ , должно сказать , что какъ Пюмбо и жена его не получили основательнаго воспитанія , то и предоставили Жиневрѣ совершенную волю пріобрѣтать познанія , по собственному ея усмотрѣнію . По своему нраву , свойственному молодымъ дѣвушкамъ , она принималась учиться всему , и все оставяла ; зани-

маясь по шѣмъ предметомъ , по другимъ , она наконецъ оспановилась на живописномъ искусствѣ , любовь къ которому сдѣлалась ея господствующею спраспю. Что касается до музыки, то она не имѣла въ ней обширныхъ познаній , но умѣла чувствоватъ всю прелестъ оной: душа ея была отверзта для всего изящнаго; она могла обнять всѣ предметы, и была бы наисовершеннѣйшимъ существомъ , если бы ея мать умѣла дать хорошее направленіе ея занятіямъ, воспитатъ ее какъ должно, и воспользоватъя шѣми дарами , которыми природа такъ щедро ее надѣлила. Совершенства ея были природными, а недостатки происходили отъ пагубнаго воспитанія, которое Корсиканцу угодно было дать своей дочери.

Когда паркепный полъ переспалъ скрыпѣшь подъ тяжелыми шагами рос-

лаго старика, онъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Спупай на встрѣчу моей дочери! сказалъ онъ ему.

— Я всегда, думая о ней, сожалѣла что не держимъ болѣе кареты!... замѣтила Баронесса.

— Она не хотѣла экипажа!... опвѣчалъ Пюмбо, посмотрѣвъ на свою жену, привыкшую къ послушанію, и она попуила глаза.

Баронессѣ было болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду. Она была высокаго роста, худощавая, блѣдная, покрытая морщинами, и совершенно походила на пѣхъ старыхъ женщинъ, коныхъ Шнецъ и Флери помѣщаютъ на своихъ картинахъ, изображающихъ Испаліанскія сцены. Она почти всегда была молчалива, и можно бы было уподобить ее Г-жѣ Шанди, еслибъ иногда одно ея слово, взоръ, пѣлдви-

женіе не изблччали что ея чувства сохранили еще всю силу и живость юности. Она одѣвалась безъ всякой изысканности, а потому часно въ ея нарядѣ не доспавало вкуса. Она обыкновенно проводила время въ бездѣйствіи, усѣвшись въ креслахъ, подобно Султаншѣ Валидѣ, или ожидая, или разсмапривая Жиневру, предметъ ея тщеславія и цѣль жизни. Красота, нарядъ, любезность ея дочери содѣлались какъ бы ея собственными. Она была счастлива, когда Жиневра казалась веселою. Волосы ея убѣляли, и нѣсколько локоновъ всегда видны были поверхъ ея блѣднаго и морщинами покрытаго чела, или на впалыхъ ея щекахъ.

— Вотъ уже около мѣсяца, сказала она, какъ Жиневра приходилъ домой нѣсколько позже обыкновеннаго.....

— Иванъ ходишь такъ тихо! . . . .
вскричалъ неперпѣливый старикъ. По-
томъ, запахнувъ съ живоспѣю полы
синяго своего плащя, онъ схватилъ
шляпу, нахлобучилъ ее на голову,
взялъ шпорокъ и вышелъ.

— Ты не пойдешь далеко! . . . . за-
кричала ему вслѣдъ жена его.

Въ самомъ дѣлѣ, въ ту минуточку
запирали ворота дома, и преспарѣлая
мать слышала легкій шелестъ шелко-
ваго плащя Жиневры, плущей по
двору.

Бартоломео появился вдругъ, неся
съ торжественнымъ видомъ на рукахъ,
какъ бы перышко, свою дочь, спарав-
шуюся высвободиться изъ его объ-
ятий.

— Вотъ она! . . . . *la Ginevra, la Gi-
nevrettina, la Ginevrina, la Ginevrola, la Gi-
nevretta, la Ginevra bella! . . . .*

— Ахъ, бапюшка, мнѣ больно!....
закричала она наконецъ.

И попчасть, съ нѣкоторою почпительностью, отецъ опуспилъ ее на полъ. Пріятнымъ движеніемъ головы она дала знапъ испутовавшейся маперы, что по была одна только уловка, и чтобы она не безпокоилась. Топчасть на блѣдномъ и омрачившемся лицѣ Баронессы выпушила ояпъ краска, и оно вдругъ одушевилось нѣкоторою веселостію, какъ бы силою волшебства. Пюмбо, съ удивительною живоствію, попиралъ себѣ руки, что было несомнѣннымъ признакомъ его радости. Онъ сдѣлалъ сію привычку при Дворѣ, гдѣ часто имѣлъ случай изьявлять такимъ образомъ свое удовольствіе, видя гнѣвъ Наполеона пропивъ своихъ Генераловъ или Министровъ дурно исполняющихъ свою должность, или сдѣлавшихъ какую нибудь ошиб-

ку. Напряженные жилы на его лицѣ сгладились, и малѣйшая морщина чела его выражала благорасположеніе. Сидя два спарка представляли въ сію минуту вѣрное изображеніе тѣхъ увядающихъ растений, которыми нѣсколько капель воды возвращаютъ жизнь.

— Къ сполу, къ сполу! воскликнулъ Піомбо.

И онъ подаль свою широкую руку Жиневрѣ, называя ее — *Signora Piombella!* Новый признакъ его веселости.

Красавица бросила на него обворожительный взглядъ.

— Знаешь ли, сказалъ ей Піомбо, выходя изъ-за сполы, твоя мать замѣтила, что уже цѣлый мѣсяць какъ ты остаешься долѣе обыкновеннаго въ масперской? Видно спросить твоя къ живописи будешь невыгодна для нашей взаимной привязанности!....

— О, бапюшка!....

— Жиневра вѣрно гоповипѣ намъ какой нибудь сюрпризъ, сказала ея мапъ.

— Ужъ не написала ли ты для меня картины? . . . . вскричалъ Корсиканецъ, всплеснувъ руками.

— Да, я очень заняпа въ мастерской, отвѣчала она.

— Чпо съ тобою, Жиневра? — Ты блѣднѣешь! сказала ея мапъ.

— Нѣпъ! воскликнула дочь съ рѣшительностію, нѣпъ, да не будетъ сказано, что Жиневра Пюмбо хоть однажды солгала въ своей жизни! . . . .

Услышавъ сіе странное восклицаніе, Пюмбо и жена его съ удивленіемъ посмопръли на ихъ дочь.

— Я люблю одного молодого человека. . . . прибавила она прогапельнымъ голосомъ.

Попомъ, не смѣя взглянуть на своихъ родшелей, она пошупцла свои

густыя ресницы, какъ бы желая скрыть огонь своихъ очей.

— Чпо онъ, Принцъ? спросилъ ее иронически отецъ.

Голосъ, которымъ Пюмбо произнесъ сіп слова, заставилъ преденать жену его и дочь.

— Нѣтъ, бапюшка, отвѣчала она съ скромностію, онъ молодой человекъ безъ соспоянія....

— Такъ онъ вѣрно красавецъ.....

— Онъ несчастливъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Онъ поварищъ Лабедойера; былъ изгнанъ, не имѣлъ убѣжища. Г. Сервинъ скрылъ его у себя, и....

— Сервинъ честный малой, и поступилъ хорошо!.... прервалъ Пюмбо; но ты дѣлаешь дурно, ты, дочь моя, полюбивъ, кромѣ отца, другаго мущину....

— Не опть меня зависипть , полюбипть или нѣпть. . . . опвѣчала съ кротоспїю Жиневра.

— Я пипалъ надежду , опвѣчалъ опець , что моя Жиневра будетъ мнѣ вѣрна до смерти; что она не будетъ нуждаться въ другихъ попеченїяхъ , кромѣ моихъ и маперинскихъ ; и что нѣжность наша не найдетъ совмѣстипчества въ ея сердць . . . .

— Упрекала ли я васъ въ вашемъ фанатизмѣ къ Наполеону? сказала Жиневра. Всегда ли одну меня вы любили? Не проводили ли вы цѣлыхъ мѣсяцевъ при чужестранныхъ Дворахъ въ качествѣ посланника , и ропсала ли я на ваши оплучки? Бываютъ необходимости , копорымъ должно умѣпть покорипсья. . . .

— Жиневра! . . . .

— Нѣтъ, вы не меня любите во мнѣ, и ваши упреки обнаруживаютъ жестокій эгоизмъ.

— Ты осуждаешь любовь пвоего опца! вскричалъ Пюмбо съ сверкающими глазами.

— Бапюшка, я никогда не буду осуждать васъ, отвѣчала Жиневра съ кропоспiю, копорой препенущая мать не ожидала опъ нея. Эгоизмъ вашъ справедливъ, но не менѣе того и моя любовь. Свидѣтельствуюсь небомъ, что никогда дочь лучше меня не исполняла своихъ обязанностей въ отношенiи къ родителемъ. Я всегда дѣлала съ радоспiю и любовiю то, что другiя выполняють по одному долгу. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я не выхожу изъ подъ вашего попечительнаго крова; и я считала сладоспiною опрадою утѣшать васъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Но буду ли я

неблагодарною, когда предавшись очарованіямъ любви, изберу себѣ супруга?

— Какъ! ты поргуешься съ опцомъ!... Жиневра..... возразилъ спарикъ зловѣщимъ голосомъ.

Произошло ужасное молчаніе, въ продолженіи котораго никто не смѣлъ начать говорить. Наконецъ Бартоломео, прервавъ оное, вскричалъ раздражающимъ сердце голосомъ:

— О! останься при насъ, останься дѣвою при своемъ старомъ опцѣ!.... Я не въ состояніи буду видѣть, что ты любишь мужчину. — Жиневра? — Ты не долго будешь ждать своей свободы.....

— Но, бапюшка, подумайте что мы васъ не оставимъ, что насъ двое будутъ любить васъ, что вы будете знать покровителя, на попеченія котораго вы меня оставите! — Вы сами будете получать сугубыя попеча-

нія, опть него и опть меня, мы нераз-
дѣльны другъ съ другомъ.

— О! Жиневра, Жиневра! вскри-
чалъ Корсиканецъ, сжимая кулаки, по-
чему ты не вышла замужъ, когда На-
полеонъ пріучилъ меня къ эпой мыс-
ли, и предлагалъ тебѣ въ женихи Кня-
зей и Графовъ . . . .

— Они не любили меня . . . . сказа-
ла она. Сверхъ того, я не хопѣла
васъ оставишь, а они увезли бы меня
съ собою . . . .

— Ты не хочешь оставишь насъ
однихъ, сказалъ Піомбо, но выдавъ те-
бя замужъ, мы будемъ покинуты по-
бою, потому что, я тебя знаю, дочь
моя, ты не будешь болѣе любить
насъ . . . . .

— Марія, прибавилъ онъ обращаясь
къ женѣ, которая во все сіе время бы-
ла неподвижною, и какъ бы погружен-
ною въ безпамятство; Марія, мы не

имѣемъ болѣе дочери! — Она хочетъ
выйти замужъ.

Спарецъ сѣлъ воздѣвъ руки, какъ
бы призывая Бога; и казалось, ѳбыль
подавленъ своимъ несчастіемъ.

Жиневра увидѣла волненіе своего
опца, и умѣренность его гнѣва раз-
перзала ея сердце. Она ожидала силь-
ныхъ дѣйствій его ярости, но не во-
оружила своего сердца пропиву нѣ-
жности и снисходительности.

— Бапюшка, сказала она прога-
пельнымъ голосомъ, нѣтъ, вы не бу-
дете покинуты вашею Жиневрою!....
Но не отвергайте также и ея соб-
ственного счастья! — Если бы вы
знали, какъ онъ меня любитъ! Ахъ!
вѣрно онъ не будетъ никогда причи-
ною моихъ горестей!!

— Ты уже начинаешь дѣлать сра-
вненія!.... вскричалъ Пюмбо ярост-
нымъ голосомъ. Нѣтъ, я не могу снѣ-

спи этой мысли! . . . . возразил онъ. Если онъ будетъ тебя любить такъ, какъ ты того стоишь, то убьетъ меня; если же онъ не будетъ любить тебя, я самъ поражу его книжалою . . . . .

И руки Пиомбо дрожали, и уста дрожали, и все тѣло дрожало, и глаза сверкали молніей. Одна Жиневра могла выдержать его взоръ, ибо въ то время и ея глаза блистали, и дочь была достойна своего отца.

— О любить тебя! какой мужчина достоинъ обладать тобою? сказалъ онъ. Любить тебя любовью опцовскою, есть уже блаженство, кто же достоинъ быть твоимъ супругомъ!

— Онъ! сказала Жиневра, онъ, котораго я не достойна! . . . . .

— Онъ! повторилъ машинально Пиомбо, кто, онъ! . . . . .

— Тотъ, кого я люблю . . . . .

— Можешъ ли онъ довольно знать тебя, чпобы обожать . . . .

— Но, бапюшка, возразила Жиневра съ неперпѣнїемъ, хопя бы онъ не любилъ меня, но я его люблю . . . .

— И такъ, ты его любишь! . . . .
вскричалъ Піомбо.

Жиневра медленно наклонила голову.

— Слѣдовапельно ты его любишь болѣе чѣмъ насъ.

— Сїи два чувства не могутъ быть сравниваемы, отвѣчала она.

— Одно изъ нихъ сильнѣе другаго? спросилъ Піомбо.

— Я думаю что такъ . . . . сказала Жиневра.

— Ты не выйдешь за него! . . . . Опть сего испушеннаго восклицанїя зашряслись оконныя рамы госпиной.

— Я выйду за него, возразила спокойно Жиневра.

— Боже мой! Боже мой!.... вскричала мать, чѣмъ кончился эпозъ споръ. *Santa Virginia*, будь ихъ посредницею.

Баронъ, который ходилъ скорыми шагами по комнапъ, наконецъ сѣлъ. Ледяная суровость омрачала его лице; онъ пристально посмопрълъ на свою дочь, и сказалъ ей слабымъ и нѣжнымъ голосомъ:

— И такъ? Жиневра, ты не выйдешь за него. О! не пропивуръчь мнѣ сегодняшній вечеръ.... Дай мнѣ думать прошивное. Хочешь ли увидѣшь сѣдовласаго опца своего, распроспертаго предъ побою на колѣняхъ..... я спану умоляпъ тебѣ....

— Жиневра Пиомбо, опвѣчала она, не привыкла обѣщаль, и не сдержаль слова. Я ваша дочь.

— Она права, сказала Баронесса, мы на то на свѣтъ, чтобы выходить замужъ . . . .

— И такъ ты поощряешь ея непослушаніе.

— Это не значить быть непослушною, отвѣчала Жиневра, когда отказываешься выполнить несправедливое приказаніе.

— Оно не можетъ быть несправедливымъ, когда произнесено своимъ отцомъ, дочь моя! . . . И какое ты имѣешь право судить меня? . . . Отвращеніе, которое я чувствую, есть, можетъ быть, совѣтъ свыше? Я предостерегаю себя, можетъ быть отъ несчастія . . . .

— Несчастіе было бы, еслибъ онъ не любилъ меня! . . .

— Вѣчно онъ! . . .

— Да, вѣчно, возразила она, онъ моя жизнь, мое сокровище, мои мысли,

и даже когда я послушаюсь васъ, онъ все будетъ въ моемъ сердцѣ.

— Ты насъ не любишь болѣе . . . . вскричалъ Пюмбо.

— О! сказала Жиневра, покачавъ головою.

— Если такъ, забудь его, будь намъ вѣрна . . . . Когда насъ не спашь . . . . ты понимаешь.

— Бапюшка, развѣ вы хопите заставишь меня желать вашей смерти? вскричала Жиневра.

— Я проживу долѣе тебя; потому что дѣти, непочитающіе своихъ родителей, не долговѣчны! . . . . вскричалъ отецъ ея, раздраженный въ высшей степени.

— Еще новая причина скорѣе выйди замужъ, и будь счастливою! . . . сказала она.

Сіе хладнокровіе, сія сла въ сужденіяхъ совершенно разстроили Пюм-

бо. Кровь сильно бросилась ему въ голову, и онъ сдѣлался багровымъ. Ужасно было видѣть его.

Жиневра задрожала. Она бросилась, какъ птичка, на колѣни къ своему опцу, съ нѣжностію обвила руки около его шеи, ласкала его лице, волосы, и вскричала съ умиленіемъ:

— О! да, пусть я умру прежде!... потому что я не переживу тебя, бабюшка, мой добрый бабюшка!

— О моя Жиневра!... моя дурочка, моя *Ginevrina*, моя *Ginevretta*!... опвѣчалъ Пюмбо, коего весь гнѣвъ исчезъ опъ сей ласки, какъ ледъ опъ солнечныхъ лучей.

— Давно пора бы вамъ кончить!... сказала Баронесса прогашельнымъ голосомъ.

— Бѣдная маменька!...

— Ахъ! *Ginevretta*!... *Ginevra bella*!...

И отецъ игралъ съ своею дочерью, какъ съ шеспи-лѣпнымъ ребенкомъ. Онъ упѣшался, расплетая волнистыя косички ея волосъ, качая ее на колѣняхъ. Въ выраженіи его нѣжности было какое-то ребячество. Вскорѣ дочь начала съ нимъ спорить, обнимая его, спаралась выпросить, пріятностію своихъ игръ и шушками, позволеніе *Людovicу* посѣпить ихъ; но и отецъ ея, также шушками, отказывалъ ей въ томъ. Она по уходила съ досадою, по возвращалась, по опять сердилась, но къ концу вечера была очень довольна нѣмъ, что успѣла освоить сердце своего отца и съ любовію ея къ *Людovicу*, и съ мыслию о близкомъ ихъ соединеніи.

На другой день она не говорила болѣе о своей любви, позже пошла въ масперскую, и возвратилась изъ оной довольно рано. Она ласкалась къ свое-

му опцу нѣжнѣе обыкновеннаго, и изъ-
являла ему своими поступками глу-
бокую признапельность, какъ бы бла-
годаря его за согласіе на бракъ ея, ко-
порый онъ, казалось, одобрялъ своимъ
молчаніемъ.

Вечеромъ она долго занималась му-
зыкой, и часто восклицала:

— Для эпаго *Nocturne* не доста-
етъ только мужскаго голоса!

Довольно того, она была Испаліян-
ка. По прошествіи восьми дней мапъ
ея сдѣлала ей знакъ, Жиневра подо-
шла къ ней, и первая сказала ей на
ухо тихимъ голосомъ:

— Я уговорила опца, принять его.

Жиневра вспрыгнула отъ радости,
какъ дитя.

— О! мапушка! о! какъ я сча-
стлива! . . . .

И такъ, въ сей день Жиневра воз-
вращилась въ домъ своего опца, рука

ообъ руку съ Людовикомъ. Это было во второй разъ, что бѣдный офицеръ выходилъ изъ своего темнаго чулана.

Дѣятельныя старанія, употребленныя, по просьбѣ Жиневры, у Князя Фельпра, тогдашняго Военнаго Министра, были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Людовикъ былъ помѣщенъ въ списокъ офицеровъ, состоящихъ по арміи. Это было важнымъ шагомъ къ болѣе благопріятной будущности.

Молодой офицеръ, узнавъ заблаговременно о тѣхъ своей любезной обо всѣхъ затрудненіяхъ, ожидающихъ его со стороны Барона, не смѣлъ сознаться въ опасеніи не понравиться ему. Сполъ мужеспвенный въ злосчастіи, сполъ храбрый на полѣ сраженія, онъ шрепеталъ, помышляя о первомъ предстоящемъ ему свиданіи съ Барономъ Пюмбо. Жиневра чувствовала, что поварищъ ея дрожитъ, и сіе оуще-

ніе, коего она угадывала причину, было для нея сладостнымъ доказательствомъ любви.

— Какъ ты блѣдень!.... сказала она ему, когда они подошли къ воротамъ дома.

— О, Жиневра! еслибъ дѣло шло только объ моей жизни....

Бартоломео былъ безъ сомнѣнія предувѣдомленъ своею женою объ личномъ посѣщеніи того, кого любила Жиневра; потому что, услышавъ шаги своей дочери, онъ не пошелъ ей навстрѣчу, и не всталъ съ кресель, въ которыхъ онъ имѣлъ привычку сидѣть. Онъ былъ мраченъ, и холодная суровость выражалась на его челѣ

— Бапюшка, сказала Жиневра, я привела одну особу, съ копорою вамъ вѣрно пріятно будетъ познакомиться. Вотъ Г. Людовикъ, воинъ, который въ чепырехъ шагахъ отъ Импе-

рапора сражался при Мон-Сен-Жанъ.

Баронъ Піомбо вспаль, мелькомъ взглянулъ на Людовика, и сказалъ ему съ принужденіемъ :

— У васъ нѣтъ креста?

— Я не ношу ордена почетнаго легіона . . . . . отвѣчалъ заспѣнчиво Людовикъ, споявшій съ почтительностію.

Жиневра, совѣспясь неучтивости своего опца, подала спуль.

Отвѣтъ офицера удовлетворилъ спараго приверженца Наполеона.

Г-жа Піомбо замѣливъ, что брови ея мужа пришли въ еспественное положеніе, осмѣлилась сказаць :

— Сходство ваше съ Ниною Порта чрезвычайное. Не находишь ли ты что у нихъ всѣ фамильныя черты Порта?

— Это очень еспественно, отвѣчалъ молодой человекъ, на которомъ оспановились сверкающіе глаза Піомбо, Нина была моя сестра . . . .

— Ты Люижи Порша?... спросилъ спарикъ слабымъ голосомъ, но бросивъ на него яроспный взглядъ.

— Да!

Барполомео Пюмбо вешаль. Онъ зашапался и принужденъ былъ опереться на кресло. Онъ взглянулъ на свою жену. Марія Пюмбо подошла къ нему, и оба въ молчаніи, рука объ руку, вышли изъ гостиной, оставляя дочь съ нѣкоторымъ отвращеніемъ.

Изумленный Люижи Порша посмотрѣлъ на Жиневру. Она поблѣднѣла какъ мраморъ, и спояла неподвижно, вперивъ глаза въ дверь, за которою скрылись ея родители. Въ ихъ молчаніи и удаленіи было нѣчто споль поржесивенное, что она была поражена, и въ первый 'разъ спрахъ поселился въ ея сердць. Она сложила руки, ломала ихъ съ опчаяніемъ, и сказала споль разспроганнымъ голосомъ, что

Одинъ любовникъ могъ услышать сіи слова:

— О! сколько несчастія заключаешся въ одномъ словѣ! . . . .

— Меня, Жиневра, удивляетъ твой испугъ. Но заклинаю тебя нашею любовію, скажи, что произнесъ я? спросилъ Люджи Порта.

— Отецъ мой, отвѣчала она, никогда не рассказывалъ мнѣ пагубныхъ обстоятельствъ нашей жизни, и я была слишкомъ молода, когда оставила Корсику, чтобы помнить ихъ.

— Не въ враждѣ ли мы? . . . спросилъ пренецищій Люджи.

— Да. Разспрашивая мапушку, я узнала, что семейство Порта умертвило всѣхъ моихъ братьевъ и сожгло нашъ домъ, а бапюшка мой истребилъ все это семейство. — Какимъ образомъ спасся ты, котораго онъ при-

вязалъ къ кровати передъ стѣмъ, какъ зажегъ домъ?

— Я не знаю, опвѣчалъ Люижи. Шести лѣтъ я былъ опвезенъ въ Генуу, къ одному спарцу, по имени Колонна. Подробности о моихъ родныхъ мнѣ не извѣстны. Я зналъ только, что я сирота, безъ соспожня, и что Колонна былъ моимъ воспитателемъ.

Я носилъ его имя до стѣхъ поръ, какъ вснушилъ въ службу. Тогда мнѣ понадобились докуменшы о моемъ происхожденіи, и въ то время только престарѣлый Колонна объявилъ мнѣ, что я, еще слабый младенець, имѣлъ уже непріятелей. Онъ совѣповалъ мнѣ сохранишь одно имя Люижи, чшобы спасшсь опъ нихъ. И я послѣдовалъ этому совѣпу.

— Бѣги, бѣги, Люижи! . . . . вскричала Жиневра. Я провожу тебя. По-

ка ты въ домъ моего опца, тебѣ нечего опасаться; но будь какъ можно оспорожнѣе; ибо какъ скоро спутишь за порогъ онаго, тебя будутъ окружать опасности. У моего опца есть два Корсиканца въ услуженіи, и если не самъ онъ, то они покусятся на твою жизнь.

— Жиневра, спросилъ онъ, неужели сія наслѣдственная месья будетъ существовать и между нами?....

Молодая дѣвушка грустно улыбнулась и склонила голову.

Вскорѣ она подняла оную съ нѣкоторою гордостью, и сказала:

— О, Люджи! сколько наши взаимныя чувства должны быть чисты и искренни, чтобы я имѣла силу слѣдовать той стезей, которую избрала!... Но дѣло идетъ о блаженствѣ цѣлой жизни, не правда ли?....

Люижи . опвѣчалъ одною улыбкою, и пожалъ Жиневрѣ руку. Она поняла, что только истинная любовь могла, въ такую минушу, пренебречь обыкновенными клятвами въ вѣрности. Безмятежное и прямодушное выраженіе чувствъ, волновавшихъ Люижи, свидѣтельствовало, въ копорымъ образомъ, о ихъ силѣ и прочности. Въ это мгновеніе рѣшилась будущая участь сей чепы.

Жиневра предвидѣла жестокою борьбу ей предстоящую; но мысль оставивъ своего возлюбленнаго, копорая, можетъ быть и мелькнула въ ея умѣ, совсѣмъ исчезла. Она принадлежала ему навсегда.

Она увлекла его изъ дома родительскаго съ въ копорымъ спремленіемъ, и оставила не прежде, какъ дойдя съ нимъ до того дома, въ копоромъ

Г. Сервинъ нанялъ для него скромную кварширу.

Возвращаясь въ домъ родительскій, Жиневра казалась совершенно спокойною духомъ, что всегда показывается твердую рѣшимость. Она посмопрѣла на своего отца и мать, садящихся за столъ, и взоры ея ни сколько не выражали самонадѣянности; но напропивъ того исполнены были кропоспи. Она замѣтила что престарѣлая мать ея плакала, и слѣды, оставленные слезами на поблекшихъ ланнпахъ, поколебали было ея намѣренія, но она скрыла свои чувства . . . . Сумраченъ и молчаливъ, Пюмбо, казалось былъ перзаемъ слишкомъ сильною и скрытною горестію для того, чтобы обнаружить оную обыкновенными поступками. Люди подавали кушанья, но никто къ нимъ не прикасался. Отвращеніе отъ пищи есть одинъ изъ признаковъ, изоблича-

ющій сильныя потрясенія душевныя. Все прое вспали, и никто еще не прерывалъ молчанія. Самыя приказанія состояли въ знакахъ.

Когда Жиневра помѣспилась между отцомъ и матерью въ ихъ темной и торжественной гостиной, Пюмбо хотѣлъ говорить, но не имѣлъ голоса; хотѣлъ пройти по комнатамъ, но слы ему измѣнили; и онъ сѣлъ опять и позвонилъ.

— Иванъ, — сказалъ онъ наконецъ слугѣ, разведи огонь въ каминъ, мнѣ холодно . . . .

Жиневра задрожала, и взглянула на своего отца съ сильнымъ душевнымъ безпокойствомъ. Бореніе чувствъ его долженствовало быть ужаснымъ, ибо лице его совершенно измѣнилось. Жиневра знала всю полную опасность ей угрожавшей; но она не прешала; между тѣмъ, какъ тайные взгляды,

бросаемые Барполомео на его дочь, казалось выражали, что онъ въ сію минуту спрашнлся характера, коего силу онъ самъ спарался развить. Не было сомнѣнія, что они предадутся крайностямъ. А посему увѣренность въ перемѣнѣ, могущей произойти во взаимныхъ чувствахъ отца и дочери, напечатлѣвала на лицѣ Баронессы выраженіе ужаса.

— Жиневра, сказалъ наконецъ Пиомбо, не смѣя взглянуть на нее, ты любишь врага нашего семейства.

— Да! отвѣчала она.

— Должно избрать между имъ и нами. Наша *Vendetta* нераздѣльна съ нами: кто не наследуетъ моего мщенія, не принадлежитъ къ моему семейству.

— Выборъ мой сдѣланъ! отвѣчала она еще спокойнымъ голосомъ.

Кропость, съ которою молодая дѣвушка произнесла сіи слова, обманула Бартоломео.

— О любезная дочь моя!...вскричалъ онъ.

Послѣ чего первыя и единственныя, когда либо въ жизни пролипыя имъ слезы, омочили его ресницы.

— Я буду его женою!...сказала опривиспо Жиневра.

При сихъ словахъ, свѣтъ помрачился въ глазахъ Бартоломео; но прежде его жаднокровіе вскорѣ возвратилось, и онъ возразилъ:

— Эшаго не будетъ пока я живъ, ибо я на то не дамъ своего согласія....

Жиневра хранила молчаніе.

— Но подумала ли ты, продолжалъ Баронъ, что Люижи сынъ того, кто умертвилъ твоихъ братьевъ.....

— Ему было шесть лѣтъ, когда свершилось сіе злодѣяніе; и можетъ

ли онъ бытъ въ ономъ обвиняемъ, опвѣчала она.

— Порта!.... вскричалъ Бартоломео.

— Но могла ли я когда либо разделять съ вами эту ненависть!.... съ живостию возразила Жиневра. Взросла ли я съ пою мыслию, что человекъ, носящій имя Порта, есть извергъ? Могла ли я воображать, что хопя одинъ изъ пѣхъ, копорыхъ вы умертвилл, уцѣлѣлъ? Не еспесивеннѣ ли, чтобы вы пожертвовали вашею местію, чѣмъ я своею любовію?....

— Порта!.... произнесъ Піомбо. Но еслибы его отецъ нашелъ тебя, ты бы не существовала болѣе на свѣтѣ. Онъ бы спо разъ умертвилъ тебя.....

— Можеть бытъ, опвѣчала она; но сыну его я обязана болѣе нежели жизнию... Его присуствіе для меня

такое блаженство, безъ котораго жизнь ничто. Онъ научилъ меня чувствовать! Можеть быть я и видѣла мушницъ красивѣе его, но никто не обворожалъ меня какъ онъ; можеть быть я слышала голосъ . . . . нѣтъ, нѣтъ, сладкозвучнѣе никогда . . . . Онъ меня любитъ! . . . . Онъ будетъ моимъ мужемъ.

— Никогда! . . . . вскричалъ съ не-
пмовѣрнымъ бѣшенствомъ Пюмбо, вспа-
вая съ своего мѣста. Лучше соглашусь
видѣть тебя мертвою, Жиневра!

Тутъ онъ вспалъ, началъ ходить
скорыми шагами по гостиной, и слѣ-
дующія слова вырывались у него съ
перемежками, показывающими сильное
его волненіе:

— Ты думаешь, можеть быть,
что поспавишь на своемъ? — Раз-
увѣрься.

Я не хочу, чтобы Порта былъ
моимъ зятемъ . . . .

Таковъ мой приговоръ.

И слышать не хочу объ этомъ.

Я Бартоломео ди Пюмбо, понима-
ешь ли, Жиневра?

— Не подразумѣваете ли вы подъ
эпими словами какогонибудь таин-
ственного смысла? спросила она съ
холодностію.

— Да, я подъ ними разумѣю, что
у меня есть кинжалъ, и что я не
спрашусь людей! . . . .

Молодая дѣвушка вспала.

— И такъ, сказала она, я Жине-
вра ди Пюмбо, и объявляю, что чрезъ
шесть мѣсяцевъ буду женою Люжи
Порта!

Башюпка, вы тиранъ! . . . . приба-
вила она послѣ спрашнаго, непродол-
жительнаго молчанія.

Бартоломео сжалъ кулаки, и ударяя ими по мраморной доскѣ камина, проговорилъ:

— Ахъ! мы въ Парижѣ . . . . .

Онъ умолкъ, сложилъ крестообразно руки, склонилъ голову на грудь, и не произнесъ ни одного слова въ продолженіи всего вечера.

Жизневра, открывъ свое рѣшительное намѣреніе, показывала видъ совершеннаго хладнокровія. Она съла за Форшепіано, пѣла, играла восхитительныя пьесы съ такою пріятностію и чувствомъ, какъ бы совершенно спокойная духомъ, и брала такимъ образомъ верхъ надъ своимъ опцомъ, котораго чело еще не прояснилось.

Старикъ жестоко почувствовалъ сіе двусмысленное оскорбленіе; онъ пожиналъ горькій плодъ того воспианія, которое далъ своей дочери. Почтительностьъ есть преграда, равно

необходимая какъ для отца и матери, такъ и для дѣтей: первыхъ она избавляетъ отъ горестей, а вторыхъ отъ угрызений совѣсти.

На другой день Жиневра, наѣзжаясь въ обыкновенное время пшши въ мастерскую, нашла, что ворота ихъ дома были заперты для нее. Бартоломео приказалъ не выпускать свою дочь. Жиневра придумала вскорѣ способъ извѣстить Люжи Порта о спростности, оказываемой ей.

Горничная дѣвушка, не умѣвшая читать, передала молодому офицеру письмо Жиневры. Въ продолженіи пяти дней молодые люди вели между собою переписку, пользуясь разными хитростями, на которыхъ двадцатилѣтніе умы споль изобрѣтательны. Отецъ и дочь рѣдко говорили другъ съ другомъ. Оба пали въ глубинѣ сердца рождающуюся ненависть. Они

спрадали, но съ гордостію и въ молчаніи. Чувствуя всю силу узъ взаимной привязанности, соединяющей ихъ, они, казалось, пыпались разторгнушь оныя, но не успѣвали въ помъ. Ни одна сладостная мысль не проясняла, какъ прежде, суроваго лица Барполомео, когда онъ смопрѣлъ на Жиневру. Онъ былъ сумраченъ. Взоры молодой дѣвушки выражали какую-то дикую суровость, когда обращались на опща. На невинномъ челѣ ея написанъ былъ упрекъ. Хопя она и предавалась радостнымъ мечтамъ, но казалось, угрызенія совѣспи омрачали ея глаза. Не прудно даже было угадать, что она никогда не будетъ въ состояніи спокойно наслаждаться блаженствомъ, которое составило несчастіе ея родителей. Нерѣшимость въ намѣреніяхъ, происходившая отъ врожденнаго добродушія Барполомео

и его дочери, не менѣ того должна была уступить ихъ гордости и той непримиримой злобѣ, которая свойственна всѣмъ Корсиканцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, они поддерживали своими поступками взаимный гнѣвъ, забывая о будущемъ. Впрочемъ, можетъ быть они и льстили себя надеждою, что одинъ изъ нихъ уступитъ другому.

Въ день рожденія Жиневры, мать ея сильно опечаленная симъ раздоромъ, который ежедневно усиливался, намѣрилась примирить отца и дочь, пользуясь воспоминаніями сего торжественнаго для нихъ дня.

Они всѣ шрое собрались въ комнату Бартоломео; и Жиневра, предугадывая намѣреніе матери, по нерѣшимости, выразившейся на лицѣ ея, печально улыбалась.

Въ сію минушу слуга доложилъ о двухъ нопаріусахъ. Они вошли.

Бартоломео пристально посмо-
прѣлъ на сихъ двухъ присяжныхъ, ко-
ихъ холодныя и чинныя лица, имѣли
нѣчто оскорбительное для трехъ гла-
вныхъ лицъ сей сцены, споль сильно
волнуемыхъ спрашьями. Старикъ, съ
безпокойнымъ видомъ, обернулся къ до-
чери, и прочиталъ на ея лицѣ выра-
женіе удовольствія и улыбку побѣды,
которыя дали ему поводъ подозрѣвать
какой нибудь злой умыселъ. Тогда онъ,
по примѣру дикихъ, старался при-
нять на себя видъ наружной нечув-
ствительности. Лице его сдѣлалось со-
вершенно безспрашнымъ, и онъ взгля-
нулъ на двухъ нопаріусовъ съ нѣко-
порымъ спокойнымъ любопытствомъ.

Посѣщители сѣли по сдѣланному
старикомъ пригласительному знаку.

— Вы, милоспивый государь, въ-рояпно Баронъ ди Пиомбо?.... спросилъ старшій изъ нихъ.

Бартоломео опвѣчалъ наклоненіемъ головы.

Нотариусъ посмотрѣлъ на Жпневру изъ подлобья, по обычаю служащихъ въ казначействѣ.

Попомъ онъ вынулъ шабакерку, опперъ ее, взялъ щепотку шабаку, и началъ съ разспановкамн нюхашъ оный, въ то время, какъ пріпскивалъ въ умѣ первыя фразы своей рѣчи, и попомъ уже произносилъ ихъ, (сію орапорскую уловку мы будемъ означать знакомъ —, хотя онъ и не совсѣмъ удовлетворительно выразишь сіе дѣйствіе).

— Милоспивый государь, сказалъ онъ, — мы присланы къ вамъ, — поварецъ мой и я, — чтобы исполнишь волю закона, и — прекрашпшь

раздоръ, который — по видимому — возникъ — между вами и вашею дочерью, — по поводу — ея — брака съ Г. Люджи Порта — моимъ кліентомъ.

Рѣчь сія, произнесенная съ нѣкоторымъ педантизмомъ, вѣроятно показала ношаріусу слишкомъ краснорѣчивою, чтобы возможно было понять ее съ одного раза; онъ остановился, смотря на Бартоломео съ выраженіемъ, свойственнымъ дѣловымъ людямъ, и составляющимъ средину между раболѣпствомъ и короткоспію. Привыкнувъ припворяться, что принимаютъ большое участіе въ особахъ, съ которыми говорятъ, на лицахъ ношаріусовъ изображается обыкновенно наконецъ, привычная особаго рода гримаса, которая появляется и исчезаетъ, подобно тому, какъ они надѣваются или скидаютъ мантію, въ

которую облакаются въ присущественномъ мѣстѣ. Сія личина бларасположенія, которой лицемѣріе снюль легко замѣшпшь, такъ разсердила Барполомео, что онъ долженъ былъ упопрѣбпшь всю силу разсудка, чпобы не выброспшь нопаріуса за окошко. Выраженіе гнѣва пробѣжало по всѣмъ его морщинамъ, и присяжный, увидя оное, сказалъ про себя :

— Моя рѣчь на него дѣйствуетъ!

— Но, продолжалъ онъ медовымъ голосомъ, господинъ Баронъ, въ подобныхъ случаяхъ, долгъ нашъ первоначально спараться кончпшь мировою сдѣлкою. . . . А посему покорнѣйше прошу меня выслушати! — Вамъ не безъизвѣстно, что дѣвица Жиневра ди Піомбо достигла сегодншняго числа шѣхъ лѣтъ, въ коихъ достапочно почтптельнаго прошенія о позволеніи со стороны родителей,

вспуиить въ законный бракъ , и что послѣ сего, бракосочетаніе можетъ совершиться и безъ таковаго позволенія.... Кроме сего, вообще принято въ семействахъ, пользующихся нѣкоторымъ уваженіемъ, — которыя принадлежатъ къ хорошему обществу, — которыя желаютъ поддерживать свое достоинство, — которыя, наконецъ, стараются не выпускать въ огласку своихъ внутреннихъ распрей, — и которыя, сверхъ всего вышесказаннаго, не хотятъ вредить самимъ себѣ, налагая печать отверженія на будущность молодыхъ супруговъ, (ибо сіе значило бы вредить самимъ себѣ) — принято, говорю я, — въ сихъ почтенныхъ семействахъ, — стараться уничтожать подобныхъ дѣлъ акты — которые — сохраняются; которые — служатъ памятниками распри — которая должна наконецъ — кончиться.

— Съ той минутой, милоспивый государь, въ которую молодая особа прибѣгаетъ къ почтительному прошенію, она показываетъ, что приняла столь рѣшительное намѣреніе, что отецъ и — мать, прибавилъ онъ обращаясь къ Баронессѣ, не могутъ надѣяться уговорить ее послѣдовать ихъ совѣту . . . . — Въ такомъ случаѣ, во первыхъ — исполнивъ вышеупомянутый обрядъ — сопротивленіе родительское не имѣетъ силы; — во вторыхъ, поелику сіе сопротивленіе уничтожено закономъ, несомнѣнно, что всякій благоразумный человекъ, сдѣлавъ своему дѣлцу послѣднее увѣщаніе, — даетъ ему свободу . . . .

Нотариусъ остановился, ибо замѣтилъ, что могъ бы продолжать говорить два часа сряду, не получая отвѣта. Сверхъ того, онъ почувствовалъ какое-то особенное смущеніе, смотря

на человека, котораго онъ пытался уговорить. Въ самомъ дѣлѣ, на лицѣ Бартоломео произошла необыкновенная переменна. Всѣ его морщины, ясно изобразившіяся на лицѣ, придавали ему видъ неизъяснимой лютоести, и онъ бросилъ на нотаріуса взглядъ шигра.

Баронесса молчала, и была въ нѣкоторомъ оцѣпенѣніи. Жиневра, съ спокойнымъ и рѣшительнымъ духомъ, ожидала; пбо знала, что голосъ нотаріуса имѣлъ больше вѣсу чѣмъ ея, и потому-то она казалось приняла намѣреніе хранить молчаніе.

Въ ту минуту, когда присяжный замолчалъ, сцена сія сдѣлалась ужасною, и даже оба нотаріуса задрожали; потому, что они можетъ быть никогда не были встрѣчены подобнымъ молчаніемъ. Они посмопрѣли другъ на друга, какъ бы желая посовѣтоваться, вспали, и подошли вмѣстѣ къ окну.

— Видѣлъ ли ты когда нибудь чудаковъ, подобныхъ эшимъ кліентамъ? . . . . спросилъ старшій у своего собрата.

— Отъ него ты не добьешься полку! отвѣчалъ младшій. На твоёмъ мѣстѣ, я бы только прочелъ имъ данное тебѣ предписаніе. Старикъ кажется мнѣ несговорчивъ. Онъ сердитъ, и ты не выиграешь ничего, *разглагольствуя* съ нимъ.

Послѣ сего старый нотаріусъ, имѣвшій порученіе соблюсти выгоды Люнжи, вынулъ гербовую бумагу, содержащую пропоколъ, составленный заблаговременно, и прочитавъ оный, холодно спросилъ Бартоломео, что онъ имѣетъ отвѣчать на сіе.

— И такъ во Франціи есть законы, которые уничтожаютъ родительскую власть? . . . . спросилъ Корсиканецъ.

— Милоспивый государь . . . . возразилъ нопаріусъ своимъ медовымъ голосомъ.

— Которые насильственно опрывають дочь отъ ея отца . . . . .

— Милоспивый государь . . . . .

— Которые лишаютъ спарца его послѣдняго утѣшенія . . . . .

— Милоспивый государь, дочь ваша принадлежишь вамъ только . . . . .

— Которые его убиваютъ . . . . .

— Милоспивый государь, позволете? . . . .

— Можетъ быть ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ хладнокровіе и почность въ сужденіяхъ нопаріусовъ, въ сценахъ гдѣ дѣйствуютъ спраспи и при коихъ они, по должности, обязаны присутствовать. Два лица, споявшія передъ Піомбо, казались ему вырвавшимися изъ ада. Его леденелая, скрыпная ярость вышла изъ границъ

въ ту минушу, когда спокойный и почти пискливый голосъ его малорослаго противника, произнесъ пагубное — „*позвольте.*“

Онъ бросился за длиннымъ кинжаломъ, вѣсѣвшимъ на гвоздѣ надъ каминномъ, и успремился на свою дочь. Оба ношариуса поспѣшили спать между имъ и Жиневрою; но онъ съ звѣрствомъ повергъ обоихъ примирителей на полъ; лице его пламенѣло, и онъ смотрѣлъ на нихъ сверкающими глазами, болѣе ужасными, нежели самый блескъ кинжала.

Когда Жиневра была лицомъ къ лицу съ родителемъ, то посмотрѣла на него приспально, съ торжесивеннымъ видомъ, тихо едѣла шагъ впередъ, и преклонила колѣна.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ Пюмбо, я не могу! . . . .

И онъ съ такою силою бросилъ въ спорону кинжалъ, что сей послѣдній вопкнулся въ двери.

— И такъ, милоспть! милоспть! сказала она. Вы не рѣшаетесь умертвить меня, и показывааете мнѣ въ жизни!... О! бапюшка, я никогда не любила васъ съ такою горячностію, какъ въ сію минупу, согласившись благословить меня съ Люижи!.... О, бапюшка, ваша дочь у ногъ вашихъ!..... Люижи или смерть!

Сильное волненіе, захвапывавшее у нея духъ, воспрепятствовало ей продолжать, слова замирали на устахъ ея; но судорожныя ея усилія свидѣльствовали, что она была между жизнью и смертью.

Барполомео опполкнулъ ее съ жестокостію.

— Бѣги!.... сказалъ онъ. Жена Люижи Порпа, не можетъ быть жи-

неврою ди Піомбо. Я не имѣю болѣе дочери! — Я не имѣю силы изрѣчь проклятіе на главу швою, но я опираюсь опть себя, и ты не имѣешь болѣе опца!

Здѣсь погребена моя Жиневра Піомбо! вскричалъ онъ глухимъ голосомъ, и съ силою прижалъ руку къ сердцу.

— Опсавъ же насъ, несчастная!.... прибавилъ онъ послѣ минушнаго молчанія. Удались, и не являйся болѣе къ намъ!

Попомъ, взявъ Жиневру за руку и сжавъ оную съ сверхъеспеспвенною силою, онъ повлекъ ее за собою, и молча вывелъ изъ дому.

— Люижи, вскричала Жиневра входя въ скромное убѣжище офицера, мой Люижи! — Мы не имѣемъ другаго имущества, кромѣ нашей любви!....

— Мы богаче всѣхъ владыкъ земныхъ! . . . . отвѣчалъ онъ.

— Опець и маць опринули меня, сказала она съ глубокою меланхоліею.

— Я буду любить тебя за нихъ.

— И такъ, мы будемъ очень счастливы! . . . . воскликнула она съ веселостию, скрывающею нѣчто ужасное.

— О, да! . . . .

Б Р А К Ъ.

Въ поть самый день, когда Жиневра оставила домъ родительскій, она зашла къ Г-жѣ Сервинъ, и просила ее, чтобы та не отказала ей въ убѣжищѣ и въ покровительствѣ до истеченія установленнаго законами срока для совершенія ея брака съ Люджи Порта; но поть она въ первый разъ испывала тѣ огорченія, коими свѣтъ осыпаетъ людей, пренебрегающихъ его обычаями. Г-жа Сервинъ была весьма опечалена худыми послѣдствіями, которыя приключенія Жиневры навлекли на ея мужа, а посему она съ хо-

лодностію приняла опчужденную, и да-
ла ей почувспвовапъ , хопя и съ вѣ-
жливою осмоприпельностію, что она
не должна надѣяться на участіе съ
ея спороны. Слишкомъ гордая для по-
го, чтобы настаивапъ въ своей просъ-
бѣ , и удивленная непоняпнымъ для
нея эгоизмомъ , Жиневра наняла ком-
напу въ ближайшей госппницѣ опъ
шого дома, гдѣ жпль Люижи, и съ не-
перпѣніемъ ожидала дня , въ который
назначено было бракосочетаніе.

Люижи Порпа проводилъ цѣлые
дни у ногъ своей невѣсты. Юная лю-
бовь его , непорочность разговоровъ
разсѣвали пучи , скопляемыя опвер-
женіемъ опца надъ главою Жиневры.
Онъ описывалъ ей будущность въ та-
комъ прелесномъ видѣ , что она
наконецъ улыбалась , и каждый день
плѣнительныя сцены нечувспвипель-

но изглаживали у нея изъ памяти непреклонность родителей.

Однажды упрямъ, служанка гостиницы доставила Жиневрѣ нѣсколько большихъ узловъ, принесенныхъ незнакомцемъ. Они заключали разныя матеріи, бѣлье и множество разныхъ вещей, необходимыхъ для женщины, которая заводилась хозяйствомъ. Ей легко было догадаться, что энцими подарками она одолжена предусмотрительной добротѣ своей матери. Разбирая присланные вещи, Жиневра увидѣла кошелекъ, и нашла въ ономъ деньги ей принадлежавшія, къ которымъ Баронесса присоединила еще свои, накопленные ея бережливостію. Тутъ же нашла она письмо, въ которомъ Марія Піомбо заключала свою дочь, оставивъ намѣреніе вступить въ бракъ, если онъ еще не совершенъ. Она уведомляла ее, что только съ неимовѣр-

ными предосторожностями ей удалось переслать къ ней сіе слабое вспомошествованіе. Мать писала еще чтобы она не упрекала ее въ жестокости, если въ послѣдствіи не будетъ получать вспоможенія; ибо она опасалась, что впредь не будетъ въ состояніи благотворить своей дочери, по причинѣ слишкомъ строгихъ мѣръ, взятыхъ Бартоломео для воспрещенія ей въ семь дѣлъ. Мать благословляла ее, желала обрѣсти счастье въ пагубномъ бракѣ, если она опъ онаго не откажется, и увѣряла, что вѣчно будетъ помнить возлюбленную свою дочь.

Въ семь мѣсѣвъ, слезы изгладили нѣсколько словъ ея письма.

— О! мапушка, мапушка!.... вскричала глубоко-пронупая Жиневра.

Въ ней родилось желаніе броситься къ ногамъ матери, увидѣть ее, и по-

дышать благопворнымъ воздухомъ дома родипельскаго. Она уже готова была иппи, какъ вдругъ явился Люджи. Она взглянула на него, и вся ея разнѣженность пзчезла, слезы осушились. Она не находила силъ оспавипть Люджи. Онъ былъ такъ несчастливъ, такъ любилъ ее! Знапть, что соспавляешь надежду благороднаго сущеспва, любишь его, и согласишься оспавипть . . . . нѣпть, такая жерпва еспть вѣроломство. Жиневра съ великодушпемъ погребла свою гореспть во глубинѣ души. Къ тому жѣ любовь сообщаетъ подвласпнымъ ей сердцамъ такую нечувспвипельность ко всему, выходящему изъ ея круга, что часпо оная превращается въ самую ненависть.

Наконецъ наступилъ день брака.

Жиневра оспалась совершенно одна, попому что Люджи, пользуясь

временемъ, въ которое она одѣвалась, ушелъ за свидѣтелями, долженствовавшими подписать актъ о ихъ бракѣ.

Сія свидѣтели были люди честные. Одинъ изъ нихъ, отставной гусарскій кварпирмейстеръ, служа въ арміи, былъ въ разныхъ случаяхъ одолженъ Люизи, воспоминаніе о чемъ никогда не изглаживается изъ сердца честнаго человѣка. Въ послѣдствіи онъ промышлялъ извозомъ, и держалъ нѣсколько карешъ. Другой былъ подрядчикъ по каменной работѣ, и ему принадлежалъ домъ, въ которомъ обрученные наняли кварпиру.

Свидѣтели пришли вмѣстѣ съ Люизи за невѣстою. Непривыкшіе къ свѣтскому эпикету, и считая весьма обыкновенною, услугу оказываемую ими Люизи, они одѣлись чисто, но безъ изысканности, такъ что нельзя было принять ихъ за людей, участвующихъ

щихъ въ радостной свадьбѣ. Сама Жиневра была одѣта очень просто, сообразно съ своимъ соспоянiемъ, но красота ея, выражала нѣчто столь благородное и величественное, что при взглядѣ на нее слова замерли на устахъ свидѣтелей, которые считали себя обязанными сдѣлать ей привѣтствiе; они поклонились ей съ почтительностью, она отвѣчала легкимъ наклоненiемъ головы. Они смотрѣли на нее въ молчанiи и съ удивленiемъ, но сiя осомбрительность произвела между ними холодность, потому что только въ кругу людей, чувствующихъ себя равными, можетъ царствовать истинное веселiе. И такъ, поспранной игрѣ случая, все было мрачно и принужденно вокругъ обрученныхъ, и ничто не отражало ихъ благополучiя.

Такъ какъ церковь и жилище Мера находились не очень далеко отъ ихъ квартиры, то Люжи подалъ руку своей невѣстѣ, и въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей, пребуемыхъ закономъ, они пошли пѣшкомъ, безъ пышности, но съ проснопною, лишавшею сей важный обрядъ общеспвенной жизни всей его поржеспвенности. Они увидѣли на дворѣ Мера множество экипажей, почему и заключили о многочисленномъ у него собраніи; вошли въ обширную залу, гдѣ нѣсколько паръ, соединеніе которыхъ долженствовало совершиться въ сей день, довольно неперѣлливо ожидали Мера поѣ части города.

Жиневра и Люжи сѣли на концѣ длинной скамьи. Свидѣтели ихъ стояли за недоспапкомъ спульевъ.

Въ сей залѣ сѣдали двѣ невѣсты, пышно одѣшья въ бѣлыя плащья, украшенныя лентами, кружевами, жем-

чугомъ; головы ихъ убраны были букетами померанцовыхъ цвѣтовъ, коихъ свѣжія почки дрожали подъ прозрачнымъ покрываломъ, довершавшимъ ихъ нарядъ. Маперы сопровождали ихъ, и смотрѣли на нихъ съ видомъ удовольствія и вмѣстѣ боязни. Онѣ были окружены ихъ радостными семействами. Всѣ дѣвушки, болѣе или менѣе завидуя имъ, поздравляли обрученныхъ словами, движеніями или взглядами, а сіи послѣднія во взорахъ всѣхъ видѣли оплескъ ихъ счастья. Всѣ лица, казалось, выражали искреннее желаніе новобрачнымъ, найпи въ новомъ состояніи благополучіе. Онѣ составляли славу, радость ихъ родителей. Опцы, свидѣтели, братья, сестры входили и уходили. Ихъ можно было сравнить съ роемъ мотыльковъ, порхающихъ въ проспанствѣ, освѣщенномъ лучемъ заходящаго солнца. Смѣсь сія составля-

ла прекрасное зрѣлище!..... Всякій чувствовалъ торжественность сего скоропреходящаго мгновенія человеческой жизни, въ которое сердце волнуемо двумя надеждами: желаніемъ осуществленія мечтаній прошедшаго, и ожиданіемъ исполненія оныхъ въ будущности.

При семъ видѣ Жиневра почувствовала, что сердце ея спѣсилось, она пожала руку Люижи, а Люижи бросилъ на нее взглядъ, который стоилъ всѣхъ торжествъ земныхъ. Слеза выкаплась изъ глазъ молодаго Корсиканца, ибо тогда только позналъ онъ великость жертвы, приносимой ему Жиневрою. Сія драгоцѣнная слеза заставила ее забыть по отчужденію, въ которомъ она находилась. Любовь излила свое очарованіе на сію сцену, и тогда два любовника, конхъ сердца бились сильно и дружно, видѣли только другъ друга

въ семь шумномъ собраніи. Посреди толпы они были одни, и въ предстоящей имъ жизни даже участь ожидала ихъ. Свидѣтели, совершенно равнодушные къ обряду, котораго они не поспигали всей важности, спокойно разговаривали между собою о своихъ дѣлахъ.

— Овесъ чрезвычайно вздоржалъ!.... говорилъ кварпирмейстеръ каменщику.

— Но все таки менѣе, въ сравненіи съ извѣспью!.... опвѣчалъ подрядчикъ.

И они начали ходить по залъ.

— Сколько мы теряемъ здѣсь времени по пустому!.... вскричалъ каменщикъ, спрятавъ въ карманъ большіе серебряные часы.

Люижи и Жиневра, прижавшись другъ къ другу, казалось слились во одно. Какую разительную прошиву-

положностью составляли сѣ два лица, соединенныя однимъ и тѣмъ же чувствомъ, исполненныя меланхоліи, молчаливыя, выражающія однѣ мысли и въ одно время, съ сими двумя шумными свадьбами, въ кругу чепырехъ спрощивыхъ семействъ, блистающихъ убранствомъ, брилліантами, цвѣтами, веселость коихъ имѣла въ себѣ нѣчто оскорбительное. Сколько сѣ шумныя, пышныя группы показывали наружной радости, столько Люция и Жиневра чувствовали оной во глубинѣ своихъ сердець. Съ одной стороны являли земное тщеславіе, съ другой спокойствіе мирнаго блаженства, обрѣтаемаго въ душѣ: то были земля и небо.

Но прелещущая Жиневра не могла быть вовсе чуждою слабостей, свойственныхъ женщинамъ; суевѣрная, подобно Испаліанкѣ, она видѣла предъ

въщаніе въ сей пропивуположности. Чувство страха запахло въ глубинѣ ея сердца, и съ такою же силою, какъ и самая ея любовь. Не было ли и это слѣдствіемъ того закона природы, по которому всѣ наши радости не могутъ существовать безъ примѣси печали?

Вдругъ секретарь Мера, отворилъ обѣ половинки дверей кабинета, всѣ умолкли, и визгливый его голосъ раздался въ залѣ.

Онъ звалъ Г. Люжи Порта и дѣвицу Жиневру ди Пюмбо.

Въ сію минуту они не могли не почувствовать нѣкотораго стыда. Знаменитость имени Пюмбо возбуждала всеобщее вниманіе, и присутствующіе искали взорами свадебнаго поѣзда, который, какъ всѣ полагали, долженъ быть весьма пышенъ. Жиневра встала, и взоры ея исполненные гордо-

спи, внушили во всѣхъ почтеніе. Она шла твердымъ шагомъ, рука объ руку съ Люнжи. Два свидѣтеля слѣдовали за нею.

Возраспающій ропотъ удивленія и общій шопотъ напомнили Жиневръ, что она должна была дасть опчетъ объ опсупствіи ея родителей. Проклятіе отца сопупствовало ей повсюду.

— Обождите пріѣзда ихъ семействъ! сказалъ Меръ секретарю, чипающему съ поспѣшностію актъ.

— Отецъ и мать не соглашаются на бракъ! хладнокровно отвѣчалъ сей.

— Съ обѣихъ сторонъ? . . . спросилъ Меръ.

— Женихъ сирота.

— Гдѣ свидѣтели, друзья? . . .

— Воиъ они! отвѣчалъ секретарь, указывая на двухъ неподвижныхъ и какъ бы нѣмыхъ свидѣтелей, сложившихъ на груди руки, и проходящихъ

въ такомъ положеніи на испукановъ.

— Но если со стороны родшпелей нѣтъ согласія.... сказалъ Меръ.

— Почтительное прошеніе произведено по законному порядку.... возразилъ секретарь, подавая Меру бумаги, приложенныя къ акту относительно сего брака.

Это судебное преніе было, нѣкоторымъ образомъ, поспыднымъ для Жиневры. Оно заключало, въ крапкихъ словахъ, главныя обстоятельство относящіяся къ ея семейству. Взаимная ненависть Порпа и Піомбо, ихъ ужасныя спраспи, были разобраны, изображены на одной спраницѣ гражданскихъ льпописей, подобно тому, какъ на могильномъ камнѣ, нѣсколько вырѣзанныхъ спрокъ, гласятъ о судьбахъ цѣлыхъ народовъ, которыхъ жребій часто заключается въ одномъ словѣ: — Робеспіеръ — Наполеонъ.

Жиневра дрожала. Подобно голубю, который облепѣвъ моря, находилъ убѣжище въ одномъ ковчегѣ, она могла спокойно остановить свои взоры только на очахъ Люижи. Все было холодно и мрачно вокругъ нее. Меръ показывалъ видъ неодобренія и спрогоспи, а секретарь его смотрѣлъ на эту чепу съ недоброжелательнымъ любопытствомъ. Подобно всѣмъ другимъ случаямъ жизни человеческой, которые будучи лишены ихъ наружнаго блеска, кажутся — совершенно ничтожными, — и сіе событіе, простое по себѣ, важно въ мысляхъ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые обрученные отвѣчали, послѣ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ Меромъ сквозь зубы, Люижи и Жиневра подписались, и были соединены гражданскимъ порядкомъ. Они прошли, наклонивъ головы и кра-

сиѣя, какъ бы преступники, мимо двухъ рядовъ веселыхъ родственниковъ, имъ чуждыхъ, и которые почти досадовали на замедленіе, произведенное симъ бракомъ, по видимому споль гореспнымъ.

Когда Жиневра была на дворѣ жилища Мера и подъ открытымъ небомъ, вздохъ вырвался изъ ея груди. Она походила на узницу, которой возвратили свободу.

— О! цѣлая жизнь моя, цѣлая жизнь, посвященная попеченіямъ и любви, можешь ли вознаградить мою Жиневру за ея нѣжность и мужество! . . . . .

При сихъ словахъ, сопровождаемыхъ слезами благополучія, новобрачная забыла всѣ свои горести; ибо ей было горько, явившись предъ свѣтомъ, испрашивать счастья, въ которомъ родители ей отказали.

— Зачѣмъ люди препятствуютъ нашему взаимному счастью!.... сказала она съ просподушіемъ чувствованій, плѣвившимъ бѣднаго Любжи.

Удовольствіе придало обрученнымъ легкости; они не замѣчали ни неба, ни земли, ни домовъ, и казалось, имѣли крылья, идя въ церковь.

Наконецъ, они пришли въ маленькую, темную часовню, подошли къ просному алтарю, предъ коимъ престарѣлый, угрюмый священникъ приготавлился обвинять ихъ.

Тутъ, какъ и въ жилищѣ Мера, они были окружены поѣздами двухъ свадебъ, которые преслѣдовали ихъ съ своимъ блескомъ. Въ церкви, наполненной друзьями и родственниками, раздавался шумъ, производимый каретами, прислужниками, привратниками, священниками. Вся церковная пышность блистала на алтаряхъ. Повсю-

ду видны были цвѣты, ярко горящія свѣчи, бархатныя подушки вышитыя золотомъ, благовонія разливались по всей церкви, и вѣнцы изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, украшающіе изображенія Пресвятой Дѣвы, были возобновлены. Казалось, само небо участвовало въ радости сего дня.

Когда пришло время держать надъ головами Люижи и Жиневры символъ вѣчнаго соединенія, то бѣлое апласное покрывало, нѣжное, блестящее, которое для нѣкоторыхъ споль легко, но для большаго числа тяжеле свинца, священникъ искалъ глазами молодыхъ дружекъ, обыкновенно весьма охотно исполняющихъ сію обязанность, но щепно; ихъ должно было замѣнить клироснымъ мальчкомъ и кварпирмейсперомъ. Священникъ прочиталъ супругамъ краткое поученіе объ опасностяхъ жизни, объ обязан-

носпяхъ ихъ въ отношеніи къ дѣтямъ, и при семъ случаѣ онъ намекнулъ на счетъ опсущствія родителей Жиневры; потомъ, соединивъ ихъ предъ Богомъ, какъ Меръ соединилъ ихъ предъ закономъ, онъ поропливо опслужилъ обѣдню, и ушелъ.

— Богъ да благословитъ ихъ! сказалъ гусаръ каменцику на паперни церкви. Трудно подобрать лучшую пару. Родители эпой дѣвушки, дряхлые спарики. Я не знаю никого храбрѣ Маіора Людовика! Еслибы всѣ исполняли такимъ образомъ свой долгъ какъ онъ, ...

Благословеніе спараго война, которое было единственнѣмъ, ими въ сей день полученнѣмъ, излилось какъ бальзамъ на сердце Жиневры.

— Прощай, храбрый поварищъ! сказалъ Люужи кварпирмейстеру, благодарю тебя.

— Весь къ вашимъ услугамъ, господинъ Маіоръ ; душа моя, я самъ, лошади, каресы, все ваше . . . . . Они распались, пожавъ другъ другу руку, и Люижи поблагодарилъ и каменщика.

— Какъ онъ тебя любитъ! . . . .
сказала Жиневра.

Но Люижи съ живостію повлекъ ее къ дому, въ которомъ они долженствовали жить, и они скоро достигли своей скромной квартиры. Тутъ, когда двери за ними затворились, Люижи, заключивъ супругу въ свои объятія, и прижавъ ее къ сердцу, вскричалъ :

— О! моя Жиневра, теперь ты совершенно моя, и здѣсь только начинается истинное празднество! . . . .

— Здѣсь, прибавилъ онъ, все будетъ намъ улыбаться! . . . .

Они вмѣстѣ обошли при комнатны, составлявшія ихъ жилище. Первая служила госпоиною и вмѣстѣ столовою.

На право находилась спальня; на лѣво, большой кабинетъ, который, по приказанію Люжи, былъ устроенъ для его любезной супруги. Тамъ разставлены были живописные станки, ящикъ съ красками, гипсовые модели, чучелы, картины, рамы, поршфели, однимъ словомъ все, что составляетъ принадлежность мастерской артиста.

— Здѣсь то я буду работать!... сказала она съ дѣтскою радостію.

Она долго разсматривала обои, мебель, и безпрестанно оборачивалась къ Люжи, улыбаясь ему какъ бы въ знакъ благодарности. Въ самомъ дѣлѣ, сей кабинетъ былъ опдѣланъ съ нѣкоторою роскошью. Маленькая библіотека содержала любимыя книги Жиневры; тутъ же стояло фортепіано.

— Какъ здѣсь пріятно будетъ жить!... сказала она наконецъ.

Она сѣла на диванъ, привлекла Люжи къ себѣ, и пожавъ ему руку, сказала, ласкаясь къ нему :

— У тебя прекрасный вкусъ!...

— О! какъ я счастлива!...

— Но осмотришь хорошенько и другія комнаты!... сказала Жиневра, которой Люжи не открывалъ доселѣ объ украшеніяхъ сего убѣжища.

Послѣ сего они пришли въ прохладную, свѣплую спальню, чистую какъ дѣва, прелестный образъ ихъ соединенія.

— О! выйдемъ отсюда!... сказалъ смѣясь Люжи.

— Но я хочу видѣть все!....

И своенравная Жиневра разсматривала убранство сей комнаты съ любопытствомъ антикварія, разбирающаго спершую на медали надпись. Она прикасалась къ шелковымъ занавѣсямъ, она перебирала все съ престо-

душнымъ удовольствіемъ молодой новобрачной, раскладывающей богатства своей свадебной корзинки.

— Мы начали шѣмъ, что разорились!... сказала она съ видомъ полувеселымъ и полу-печальнымъ.

— Правда! я употребилъ на это всю недоимку моего жалованья! опвѣчалъ Люижи. Право на оную я продалъ одному жиду.

— За чѣмъ?... возразила она съ видомъ упрека, въ которомъ можно было чипать шайное удовольствіе. Не думаешь ли ты, что я была бы менѣе счастлива подъ соломеннымъ кровомъ?..... Но, прибавила она, все это прекрасно.... и принадлежитъ намъ!....

Люижи смотрѣлъ на нее съ такимъ воспоргомъ, что она попустила взоры, и сказала ему:

— Пойдемъ далѣе!

Надъ сими прѣмя комнапами, на чердакъ, были кабинетъ для Люнжи, кухня и комната для прислуги. Живя была очень довольна своимъ небольшимъ жилищемъ. Видъ изъ оконъ былъ весьма ограниченъ по причинѣ высокой стѣны сосѣдняго дома, а дворъ, съ копораго проходилъ свѣтъ, былъ очень шменъ и узокъ; но сердца любовниковъ были такъ радостны, и надежда въ споль плѣнительномъ видѣ представляла имъ будущность, что въ тайномъ ихъ убѣжищѣ однѣ прелестныя мечты являлись ихъ воображенію. Живя въ самомъ уединенномъ уголкѣ сего огромнаго дома, и какъ бы поперянные въ обширномъ Парижѣ, они, подобно двумъ жемчужинамъ въ ихъ раковинѣ, скрывались въ глубинѣ морей. Для всякаго другого, убѣжище сіе было бы темницею; для нихъ, оно казалось раемъ.

Первые дни ихъ союза принадлежали любви. Имъ слишкомъ трудно было посвящать себя вдругъ постояннымъ занятіямъ, и они не могли пропившись упоенію ихъ взаимной страсти. Люижи цѣлые часы проводилъ у ногъ своей Жиневры, любуясь цвѣшомъ ея волосъ, возвышеннымъ челомъ, восхищительною формою глазъ и непорочною, бѣлизною ея вѣкъ, подъ которыми блиспали очи ея, выражавшія счастье удовлетворенной любви; междупѣмъ какъ Жиневра играла волосами своего Люижи, смотря всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ на нѣжную выразительность его лица, что она называла *beltà folgorante* своего супруга, и плѣнялась болѣе и болѣе благородствомъ его пріемовъ, въ свою очередь плѣняя супруга увлекашелою прелестью своего обхожденія. Бездѣлицы занимали ихъ какъ дѣшай, и они оста-

вляли ихъ, чшобы вновъ предашься своей спраспи; они прекращали свои игры, чшобы погрузишься въ мечпашельность *far niente*. Арія, пропѣтая Жиневрою, возобновляла ихъ неизъяснимыя радости, сладоспные оппѣнки ихъ любви. Иногда они прогуливались вмѣспѣ; наслаждались сельскими красопами, гдѣ все напоминало имъ о ихъ взаимной спраспи: цвѣшы, небеса, багряное сїяніе заходящаго солнца, даже облака, носящїяся въ воздухѣ и своенравно принимающїя чудныя формы, говорили имъ о ихъ блаженспвѣ. Ни одинъ день не походилъ на другой, ибо любовь ихъ усиливалась, потому что была истинная. Они скоро извѣдали другъ друга, и по сочувспвію узнали, что души ихъ принадлежатъ къ числу шѣхъ, коихъ неспощимыя сокровища обѣщаютъ новыя наслажде- нїя въ будущемъ. Любовь ихъ была

числосердечна, была сопровождаема ея болпливостію, ея недоконченными рѣчьми, ея продолжительными молчаніями, ея Азіатскою нѣгою и изступленіемъ. Люжи и Жиневра познали любовь вполнѣ. Не уподобляется ли она морю, которое обозрѣвается въ одно мгновеніе, и которое обыкновенные души находятъ споль однообразнымъ; между тѣмъ, какъ попадаются въ толпѣ спранные люди, которые могутъ провести цѣлую жизнь восходящаясь онымъ, и открывая непрерывно новыя явленія, плѣняющія ихъ.

Наконецъ осмопрительность заставила молодыхъ супруговъ выйти изъ этой райской жизни. Они принуждены были работать, чтобы содержать себя.

Жиневра, которая имѣла особенный талантъ подражать древнимъ живописцамъ, начала копировать ихъ.

Она вскорѣ нашла способъ сбывать сіи копии картиннымъ торговцамъ.

Люпжи, съ своей стороны, также весьма дѣятельно искалъ средствъ къ пропитанію; но молодому офицеру, коего всѣ таланты ограничиваются основательнымъ познаніемъ Спратегіи, очень трудно найти мѣсто въ Парижѣ. Наконецъ, наскучивъ тщетными усиліями, онъ пришелъ въ отчаяніе, видя что бремя ихъ существованія несетъ одна Жюневра, и рѣшился воспользоваться своимъ довольно слабымъ искусствомъ. Почеркъ его былъ очень чистъ, и онъ имѣлъ даръ писать скоро. Съ постоянствомъ, образецъ котораго онъ видѣлъ въ своей женѣ, искалъ онъ работы у присяжныхъ, нотаріусовъ и адвокатовъ. Его опроверженность въ поступкахъ, его обстоятельность сильно расположили въ его пользу, ему давали сколько копій

и разныхъ другихъ бумагъ , что онъ принужденъ былъ взять себѣ въ помощники нѣсколько молодыхъ людей. Нечувствительнаго онъ завелъ кабинетъ публичнаго писца, пользовавшійся нѣкопорою извѣстностію. Доходъ отъ сего кабинета и продажа картинъ Жиневры поселили въ ихъ новомъ хозяйствѣ довольство , коимъ молодые супруги гордились , потому что сіе благосостояніе происходило отъ ихъ трудовъ.

Эти минуты были счастливѣйшими въ ихъ жизни. Дни протекали быстро между занятіями и любовью. Работавъ цѣлый день, они съ удовольствіемъ сходились вечеромъ въ маленькомъ кабинетѣ Жиневры. Музыка утѣшала ихъ послѣ трудовъ. Въ сіе время , никогда выраженіе задумчивости не омрачало чела молодой супруги, и она не роптала ни разу на свою у-

часть. Она всегда встрѣчала своего Люижи съ улыбкою на устахъ, съ глазами блистающими опть радости. Оба наслаждались одною господствующею мыслию, копорая придава бы имъ пвердоспъ съ удовольспвіемъ посвяпипшь себя самымъ упомипсельнымъ заняпіймъ. Жиневра была довольна, чпо рабосаепшь для Люижи, а Люижи счиппалъ упѣхою рабосаепшь для Жиневры. Иногда, въ опсуспствіе мужа, молодая супруга мыслпва о томъ совершенномъ щаспійи, копорымъ бы она наслаждалася, есплбы опецъ и мапшь были свпдѣпеламп ея блаженной жпзпн, и всякій разъ, при сей мысли, она погружалася въ глубокую печаль. Она мучилася угрызеніамп совѣспп. Мрачныя карпшы, подобно пѣнямъ, мелькали въ ея воображеніи, ей предспавлялись: по преспарѣлый опецъ ея, по ея мапшь, плачушая по вечерамъ и спара-

ющаяся скрыть свои слезы отъ непреклоннаго Пюмбо; иногда, она какъ бы видѣла, что сіи двѣ, убѣдѣнныя сѣдинами головы, вдругъ обращались къ ней съ нѣмымъ упрекомъ, и ей казалось, что только въ мечтательномъ сіяніи Воспоминанія ей суждено созерцать ихъ. Мысль сія, подобно предчувствію, преслѣдовала ее.

Ровно черезъ годъ послѣ ея брака, Жиневра, въ ознаменованіе сего торжественнаго дня, подарила мужу свой портретъ, который онъ весьма желалъ имѣть. Никогда еще изъ подъ кисти молодой артистки не выходило произведенія столь достойнаго замѣчанія. Сверхъ удивительнаго сходства, она, съ какимъ-то волшебствомъ, умѣла изобразить на семъ портретѣ блескъ своей красоты, искренность чувствованій, счастье любви. Сіе мас-

перское произведеніе было съ порже-спвомъ повѣшено въ госпиной.

Они провели еще годъ въ нѣдрахъ довольства. Всѣ приключенія ихъ жизни въ продолженіе сего времени заключались въ трехъ словахъ: *они были счастливы*. Съ ними не случилось ни одного происшествія, достойнаго бытъ упомянутымъ.

Въ началѣ зимы 1817 года купцы, торгующіе карпинами, совѣповали Жиневрѣ заняться другимъ родомъ живописи, потому что копій болѣе не шли съ рукъ. Туть она познала свою ошибку въ томъ, что не старалась усовершенствоваться въ сочиненіи домашнихъ сценъ, чрезъ что могла бы пріобрѣсти извѣстность. Она сдѣлала опытъ; но ей нужны были модели. Она принялась было писать портреты, но туть принуждена была вступишь въ соперничество

съ толпою арписцовъ , еще менѣе доспапочныхъ , чѣмъ она. Но такъ какъ Люижи и Жиневра успѣли накопить нѣсколько денегъ , то будущность еще не успрашала ихъ.

Въ концѣ зимы, въ Апрѣль мѣсяцъ 1818 года , Люижи трудился безъ отдыха ; но какъ онъ имѣлъ много совѣспниковъ , и цѣна на переписку бумагъ весьма понизилась , то принужденъ былъ оппустить своихъ помощниковъ , и нашелъ себя въ необходимости посвящать на пруды времени болѣе , нежели прежде , для выручки той же суммы.

Жена его окончила нѣсколько картинъ , копорыя имѣли свое достоинство , но купцы не покупали даже произведеній извѣспныхъ арписцовъ. Жиневра отдавала свои картины за безцѣнокъ , но и шупъ не могла сбыть ихъ.

Положеніе молодыхъ супруговъ было ужасно. Души ихъ упоали въ блаженствѣ, любовь изливала на нихъ свои дары, а бѣдность, подобно скелепу, вдругъ представлялась имъ посреди сей жашвы удовольствій. Они скрывали другъ отъ друга свои безпокойства. И въ ту минупу, въ которую Жиневра чувствовала себя гоповою плакашь видя спраданія своего Люнжи, она осыпала его ласками; равнымъ образомъ и Люнжи шайлъ въ глубинѣ своего сердца горькую печаль, выражая самую нѣжную любовь. Казалось, они находили вознагражденіе за всѣ спраданія въ сильной горячности своихъ чувствъ; и тогда слова ихъ, удовольствія, игры носили оппечатокъ какого-то испушленія. Они спрашились за будущее. И какое чувство, можетъ сравняться въ силѣ своей съ тою спрашпію, которая должна уме-

реть черезъ день, будучи убиита Смертью или Нуждою? Они, смѣясь, разговаривали о своей нищетѣ. Они чувствовали необходимость обманывать другъ друга, и оба, съ равнымъ жаромъ, обольщали себя малѣйшею надеждою.

Въ одну ночь, Жиневра щепетно искала Люижи подлѣ себя. Она вспала въ сильномъ испугѣ. Замѣпя слабый свѣтъ, отражавшійся на темной спѣнѣ небольшого двора, она догадалась, что Люижи занимается по ночамъ. Дождавшись времени, когда жена его заснетъ, онъ ухотплъ въ свой кабинетъ. Часы пробили чепыре. Начиало разсвѣтатъ. Жиневра опять легла въ постель, и припворилась спящею. Люижи возвратился. Успалось и сонъ упомяли его, она смотрѣла на его прекрасное лице, на которомъ пруды уже провели нѣсколько мор-

щинъ. Глаза молодой супруги наполнились слезами.

— Для меня, сказала она, онъ проводить ночи въ трудахъ.....

Мелькнувшая мысль осушила ея слезы. Она рѣшилась подражать Людяи.

Въ полночь же самый день она пошла къ богатому продавцу эспамповъ, и чрезъ посредство рекомендательнаго письма, выпрошеннаго ею у купца, торгующаго карпинами, она получила нѣсколько эспамповъ для разкрашиванія. Въ продолженіе дня она писала карпины, и занималась хозяйствомъ. Когда же наступала ночь, то разкрашивала эспампы. Такимъ образомъ, сіи юные супруги, пылавшіе другъ къ другу любовью, ложились въ брачную постель только для того, чтобы опять оставишь одну. Они оба притворялись спящими, и изъ взаимной привязанности по-

кидали другъ друга, лишь только одинъ успѣвалъ обмануть другаго.

Въ одну ночь Люжи, чувствуя родъ лихорадки, причиненной ему работою, подъ бременемъ которой онъ начиналъ изнемогать, вспалъ, чтобы опворить маленькое слуховое окно въ своемъ кабинетѣ. Онъ вдыхалъ въ себя свѣжій упрепннй воздухъ, и казалось, забывалъ о своихъ горестяхъ, при видѣ звѣзднаго неба, какъ вдругъ, опустивъ взоры, онъ замѣнилъ довольно сильный блескъ на спѣнѣ, находящейся пропнву оконъ комнаты Жиневры. Онъ угадалъ все. Сойдя попи-хоньку внизъ, онъ заспалъ жену свою въ масперской, занимающуюся разкра-шпваніемъ эспамповъ.

— О! Жиневра! Жиневра!... вскричалъ онъ.

Она вскочила съ судорожною дрожью, и покраснѣла.

— Могла ли я покопшьяся, сказала она, когда ты изнурялъ себя прудами.

— Но я одинъ имѣю право на по.

— Могла ли я бышь праздною, опвѣчала молодая супруга, коей глаза наполнились слезами, когда знаю, что каждый кусокъ хлѣба спойшть намъ почти капли швоей крови! . . . . Я бы умерла, еслибы не присоединила моихъ усилій къ швоимъ . . . Не все ли должно бышь общимъ между нами, удовольствія и горести . . . . .

— Какъ ей холодно! . . . . вскричалъ Люижи съ опчаяніемъ. Закупайся шалью, моя Жиневра, ночь сыра и холодна . . . . .

Они подошли къ окну. Молодая супруга была въ объятіяхъ своего мужа. Она преклонила голову къ груди своего возлюбленнаго, и оба, погруженные въ глубокое молчаніе, смотрѣли на небо, которое медленно прояснялось.

Съровапыя облака носились въ воздухѣ, и свѣтъ, усиливавшійся на воспо-
къ, дѣлался болѣе и болѣе яркимъ.

— Видишь ли, сказала Жиневра, это предвѣщаніе! Мы будемъ счастливы.

— Да, въ небесахъ! . . . . опивчалъ Люижи съ горькою улыбкою. — О, Жиневра! ты, копорая достойна всѣхъ сокровищъ земныхъ! . . .

— Я обладаю пвопмъ сердцемъ! . . . опивчала она съ видомъ радости.

— Ахъ! я не ропщу на судьбу, возразилъ онъ, прижавъ ее съ жаромъ къ своему сердцу. И онъ осыпалъ поцѣлуями ея нѣжное лице, начинавшее уже перяпъ свѣжестъ юности, но въ выраженіи копораго было столько чувствительности и крепости, что онъ не могъ видѣть его, и не бытъ утѣшеннымъ.

— Какое безмолвіе! сказала Жиневра. Я нахожу, милый другъ, большое удовольствіе не спать ночью. Въ ней

есть нѣчто величественное. И мысль: все спитъ, я одна бодрствую!... заключаешь въ себѣ что-то великое!...

— О! моя Жиневра! не въ первый разъ я познаю нынѣ всю прелесть, все благородство твоей души!... но вопль упрежня заря, спуйай, отдохни.

— Охотно, отвѣчала она, если только я не одна буду отдышаться... О! сколько я спрадала въ ту ночь, когда замѣтила, что мой Люджн бодрствуетъ безъ меня!...

Мужество, съ которымъ молодые супруги боролись съ несчастіемъ, увѣнчалось временнымъ успѣхомъ; но происшествіе, которое обыкновенно увѣнчиваетъ радостию жизнь супружескую, было для нихъ пагубно.

Жиневра родила сына. Можно сказать, употребя проспонородное изрѣченіе, что онъ былъ *прекрасенъ какъ день*. Чувства матери, казалось, удво-

или ея силы. По случаю родовъ жены, Люижи занялъ денегъ на необходимыя издержки, такъ что въ первые дни Января не чувствовала своего бѣднаго положенія.

Они оба предавались благополучію, испощая надъ своимъ младенцемъ нѣжнѣйшія попеченія; но это было ихъ послѣднимъ упышеніемъ.

Сперва они мужественно боролись съ бѣдствіями, подобно двумъ пловцамъ, соединяющимъ свои усилія для того, чтобы разсѣчь быстрину; но также иногда они предавались совершенному безспрастію, походившему на сонъ, который предшесвуешь смерти. Вскорѣ они принуждены были продать свои дорогія вещи. Сперва, бѣдность предстала предъ нихъ не во всей своей наготѣ, но еще одѣтая, хотя и просто. Она была кропка, и гласъ ея не былъ еще страшень. Она

не влекла за собою, ни опчаянія, ни рубищъ, ни привидѣній, но заставляла забыть прихоти довольства. Она ослабила пружины гордости. Потомъ, явилась Пенсепса со всѣми своими ужасами, съ холодною нечувствительностію взирающая на свое рубище, презирающая всѣ чувства человѣческія; но есть благородныя души, которыя никогда не колеблются при видѣ картинъ, ею развиваемыхъ.

По прошествіи семи или осьми мѣсяцевъ послѣ рожденія Паоло, съ трудомъ могли бы узнать въ мапері, кормящей своею грудью чахлаго младенца, подлинникъ того прекраснаго портрета, который составлялъ въ то время единственное украшеніе опустѣвшей комнаты. Тогда была зима, — и несчастные супруги не имѣли дровъ. Пріятныя очерки лица Жиневры исчезли. Блѣдность покрыла ея щеки,

глаза попустили. Рыдая, она смопрѣла на своего младенца, худаго, блѣднаго, и мучилась его спраданіями.

Люжи споялъ въ безмолвіи, и не имѣлъ духа улыбнуться своему сыну.

— Я избѣгалъ весь Парижъ!... говорилъ онъ глухимъ голосомъ, но у меня нѣтъ ни одного знакомаго, и какъ рѣшился просить у людей нечувствительныхъ... *Гарди*, мой бѣдный *Гарди*, храбрый квартирмейстеръ, замѣшанъ въ какомъ-то заговорѣ, и заключенъ въ тюрьму!— Впрочемъ, онъ уже далъ мнѣ въ займы все то, что могъ! Что касается до хозяина этого дома?... вотъ уже годъ, какъ онъ не требуетъ отъ насъ платы за квартиру....

— Но мы ни въ чемъ не нуждаемся..... тихо отвѣчала *Жиневра*, съ прищворнымъ видомъ спокойствія.

— Съ каждымъ днемъ, возразилъ

Люжи съ ужасомъ , новый недоспа-
шокъ. . . .

Голодъ ождадь ихъ.

Люжи собралъ всѣ Жиневрины
картины , портреть , разную мебель ,
безъ которой , въ крайности можно
было обойтись , и продалъ все за безцѣ-
нокъ . Вырученныя за сіи вещи деньги ,
продли , на нѣкоторое время , медлен-
ную смерть сего семейства .

Въ сію годину злополучія Жине-
вра явила всю великость своего харак-
тера и покорность въ волю Божию . Она
мужественно переносила бѣдствія .
Твердая ея душа поддерживала ее въ
несчастіяхъ . Ослабѣвшими руками ра-
ботала она , возлѣ своего сына . Она
исправляла хозяйственныя обязанно-
сти съ неимовѣрною дѣятельностію ,
и вездѣ успѣвала . Даже улыбка удивле-
нія на устахъ Люжи , при видѣ опря-
тности , съ какою она убирала един-

спивенную комнату, въ которой они помещались, дѣлала ее счастливою.

— Другъ мой, сказала Жиневра однажды вечеромъ мужу, когда онъ, упоминвшись, возвратился домой, я оспавила тебѣ эпокъ кусокъ хлѣба.

— А ты?

— Я, я объдала! Возми, милый Люджи, я сына!...

Жиневра кропкимъ выраженіемъ лица, еще болѣе нежели словами, умоляла его принять пищу, въ которой она себѣ отъказывала.

Люджи поцѣловалъ ее. То былъ поцѣлуй опчагнія, подобный шѣмъ, которые любовники въ 1793 году, всходя на эшафотъ, запѣчапльвали на устахъ возлюбленныхъ своихъ. Въ такія мгновенія, когда смерть носилась надъ двумя существами, они видяшъ, они понимаютъ другъ друга. Люджи угадалъ, что его жена терпиль го-

лодѣ, и лихорадочный жаръ, снѣдающій Жиневру, вдругъ овладѣлъ имъ. Онъ задрожалъ и вышелъ, показывая видъ, что имѣеть дѣло, которое не терпитъ отлагательства.

Онъ скорѣе бы согласился принять самаго сильнаго яда, чѣмъ избѣжать смерти, съѣвъ послѣдній кусокъ хлѣба, который оставался его семейству. Онъ вышелъ изъ дому, не уполивъ голода, и началъ бродить по Парижскимъ улицамъ, среди богатыхъ каретъ и оскорбительной роскоши, во всемъ обнаруживающейся. Онъ быстро прошелъ мимо меняльныхъ лавокъ, гдѣ блистало золото. Наконецъ, онъ рѣшился продать себя, и поступить за другаго въ солдаты, питаясь надеждою, что сія жертва спасетъ Жиневру, и что, во время его отсутствія, ей удастся примириться съ Бартоломео.

И такъ, онъ пошелъ къ одному изъ шѣхъ, которые производящъ шоргъ бѣлыми людьми, и, съ нѣкоторымъ восхищеніемъ, узналъ что эшопъ человекъ былъ нѣкогда офицеромъ въ Императорской гвардіи.

— Вопь уже два дня, сказалъ онъ ему слабымъ голосомъ, какъ я не ѣлъ! Жена моя умираетъ съ голоду, и ни одна жалоба не вырвалась у нея. Она бы, я думаю, умерла улыбаясь.... Ради Бога, поваричъ, прибавилъ онъ съ горькою улыбкою, купи меня въ зачетъ будущаго набора. Я здоровъ, не въ службѣ болѣе, и я.....

Офицеръ далъ Люнжи денегъ въ счетъ условленной между ними суммы.

Несчастный, съ судорожнымъ смѣхомъ, смотрѣлъ на горсть золота..... Онъ спремглавъ бросился къ своему жилищу и, задыхаясь, вскрикивалъ: — О! моя Жиневра! Жиневра!

Уже смеркалось, когда онъ прибѣжалъ домой. Онъ тихо вошелъ въ комнату, спрашась чшобы сильное потрясеніе не разстроило его жены, которую онъ оставилъ очень слабою. Последніе лучи солнца, проникая сквозь верхній стекла оконъ, едва освѣщали лице Жиневры, уснувшей на стулѣ. Она держала на рукахъ своего ребенка, прижавъ его къ груди.

— Проснись, милая Жиневра, сказалъ онъ, не замѣчая того страннаго положенія, въ которомъ находилось дитя, коего лице было покрыто не естественнымъ блескомъ.

Узнавъ голосъ Люджи, несчастная мать открыла глаза, и улыбнулась, встрѣтивъ взоръ его; но Люджи вскрикнулъ съ ужасомъ, ибо Жиневра совершенно измѣнилась въ лицѣ, и онъ едва узналъ ее. Съ изступленіемъ дикаря, онъ пропянулъ къ ней руку съ золо-

помъ. Она усмѣхнулась машинально; но вдругъ спраннымъ голосомъ вскричала:

— Любжи! ребенокъ мой холоденъ! . . . .

Она взглянула на сына, и поперяла чувспва; младенецъ былъ мерпвъ.

Любжп схватилъ свою жену на руки вмѣспъ съ ребенкомъ, котораго она держала съ немовѣрною силою, попомъ, положивъ ее на кровать, вышель, чшобы просинъ помощи.

— Боже мой! сказалъ онъ хозяйну дома, котораго вспрѣшилъ на лѣспницѣ, у меня еспъ золопо, а сынъ мой умеръ съ голоду. — Мать его умираетъ, и я теряю разумъ . . . . Помогите намъ . . . .

Онъ возвратился съ опчаянiемъ въ сердцѣ къ Жиневрѣ, и предспавилъ чеспному каменщнку съ другими сосѣдами собрать пособiя для облегче-

нія несчастной, которая, съ супругомъ своимъ, умѣла изъ чувства гордости, щадательно скрывать, ихъ нищету. Люжи, бросивъ золото на - полъ, спалъ на колѣни у изголовья постели, на которой лежала Жиневра.

— Батюшка, повпоряла она въ бреду, не оставьте моего сына и Люжи . . . .

— О! ангель мой, успокойся, говорилъ Люжи, обнимая ее, блаженные дни ожидаютъ насъ.

Его голосъ и ласки возвратили ей нѣкоторое спокойствіе.

— О! мой Люжи, возразила она, смотря на него съ необыкновеннымъ вниманіемъ, выслушай меня! Я чувствую что умираю, но это весьма естественно, я слишкомъ сильно спрдала, — къ помужь — одна смерть могла выкупить то блаженство, которымъ я наслаждалась. — Такъ, мой

Люджи, утѣшься! я была такъ счастлива . . . . что еслибы жизнь могла быть мнѣ возвращена снова, я бы не отказалась опть нашей прѣжней участи! . . . Я дурная мать, ибо сожалею болѣе о тебѣ, чѣмъ о сынѣ . . . .

— Дитя мое! прибавила она глухимъ голосомъ. Двѣ слезы выкапнулись изъ ея умирающихъ глазъ, и она мгновенно прижала къ сердцу тѣло, котораго не могла согрѣшь.

— Опдай мои волосы моему опцу, въ знакъ памяти опть его Жиневры, молвила она, скажи ему, что я никогда не ропшала на него . . . .

И глава ея упала на руку супруга.

— Нѣтъ, ты не можешь умереть, вскричалъ Люджи. Сей-часъ придетъ докторъ . . . . У насъ есть хлѣбъ! — Отецъ твой проспитъ тебя. Благодаренствіе будетъ нашимъ удѣломъ. Не оставляй меня, ангель доброты! . . . .

Но сіе сердце, вѣрное и исполненное любви, хладѣло. Жиневра, прощивольно обрашнла взоры къ обожаемому ею мужу, но она уже почши была въ забыши. Целсные призраки предспавлялись ея разуму, уже гоповому забышь все земное. Но она еще знала что Люижи возлѣ нея, ибо съ возраспающимъ усиліемъ сжимала хладную его руку. Она, казалось, хопѣла удержаться на краю пропасти, которую ей предспавляло воображеніе.

— Другъ мой, сказала она наконецъ, ты озябъ, я здѣсь тебя согрѣю.

Она хопѣла положить руку мужа на свое сердце, но испустила духъ.

Два докпора, нѣсколько священниковъ, сосѣдей, вошли въ сію минушу въ комнашу, неся все необходимое для спасенія двухъ супруговъ и для укрощенія ихъ опчаянія.

По лѣспницѣ шли они съ шумомъ, но когда всѣ вошли въ комнату, ужасное молчаніе воцарилось въ оной.

НАКАЗАНИЕ.

Бартоломео и жена его сидѣли на вѣшкихъ креслахъ, по споронамъ огромнаго камина, пламень копораго едва могъ согрѣвать проспранную госпиную ихъ дома.

Спѣнные часы показывали полночь.

Уже давно сонъ не смежалъ очей двухъ супруговъ.

Въ сіе мгновеніе они были молчаливы, какъ два младенчеспвующіе спарика, которые смопряпъ, но ничего не замѣчаютъ.

Госпиная, опустѣвшая, но исполненная для нихъ воспоминаній, слабо была освѣщена лампадою, которая начинала уже угасать, и еслибъ сверкающій пламень камина не разливалъ мерцающаго свѣта, то они находились бы въ совершенной темнотѣ.

Одинъ изъ пріятелей недавно предъ симъ оставилъ ихъ.

Спуль, на которомъ онъ сидѣлъ, споялъ теперь между двумя супругами.

Піомбо уже не разъ бросалъ взгляды на эптошь спуль. Каждый взглядъ заключалъ въ себѣ мысль. Они непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ, какъ угрызенія совѣсти.

Незаяпный спуль былъ Жиневринъ.

Марія Піомбо уловляла малѣйшія перемѣны, происходившія на блѣдномъ лицѣ ея мужа; но хотя она и привыкла угадывать чувствованія Корсикан-

ца по быспро-измѣняющимся черпамъ, но въ то время они съ такою переходчивостію изображали то гнѣвъ, то мрачность, что ей невозможно было чипать въ сей неизъяснимой душѣ.

Изнемогалъ ли Барполомео подъ бременемъ тяжкихъ воспоминаній, возбуждаемыхъ въ немъ видомъ сего завѣрнаго спула?

Оскорбляла ли его та мысль, что первый разъ со дня разлуки съ дочерью, поспоронній сидѣлъ на этомъ спулѣ?

Или настала часъ его милосердія, споль вожденный, и споль давно желанный?

Таковы были размышленія попеременно волновавшія сердце Маріи Пюмбо. Было одно мгновеніе, въ которое фізіогномія ея мужа показалаь ей споль ужасною, что она содрогнулась при мысли о смѣлости употребить споль простую хипрость, которая должна

была подашь поводъ къ разговору о Жиневрѣ.

Въ сію минулу, порывъ вѣтра съ такою силою успремилъ охлопки снѣга на спавни гостинной, что оба спарика слышали легкій шелескъ.

Мать Жиневры задрожала и преклонила голову, дабы скрыть свои слезы опъ неумолимаго Піомбо.

Вдругъ вырвался вздохъ изъ груди спарика. Жена посмотрѣла на него, онъ былъ убитъ уныніемъ. Тогда осмѣлилась она завести рѣчь о своей дочери, во второй разъ въ продолженіи прехъ лѣтъ.

— Если Жиневра теперь зябнешь!.... сказала она тихимъ голосомъ.

Піомбо вздрогнулъ.

— Можешъ бытъ она терпешъ голодъ!.... продолжала Марія.

Слеза появилась на глазахъ Корсиканца.

— Я знаю, возразила мать съ живостию и съ видомъ опчаянія, что у нея естъ младенецъ, котораго она не можетъ кормить болѣе, потому что молоко изсякло въ груди ея.

— Пусть возвратится! пусть возвратится!, вскричалъ Пюмбо. О возлюбленная дочь моя! Дочь моя, ты побѣдила! Жиневра!.....

Мать вспала, и хопѣла было ийти за своею дочерью.

Въ сіе самое мгновеніе двери распворились съ большимъ прескомъ, и человекъ, котораго лице поперяло во все видъ человѣческой, вдругъ явился предъ ними.

— Наши два семейства должны были погубить одно другое, закричалъ онъ. — Умерла! умерла!..... все.....

Потомъ, положивъ на сполъ длинныя черныя волосы Жиневры, прибавилъ:

— Вотъ все что опъ нея остаеш-
ся! . . . . .

По обоимъ спарикамъ пробѣжала судорожная дрожь, какъ бы получивъ попрысеніе элекприческое. И какъ они не видѣли болѣе Люижи, то сія сцена имѣла въ себѣ нѣчто похожее на явленіе ужаснаго призрака.

— Онъ умеръ! . . . . пропаяжно вскричалъ Баршоломео, успремивъ глаза на землю.

— И дочь наша также! отвѣчала мапъ, и, рванувшись, встала съ кресель. Попомъ она сдѣлала при шага.

Пюмбо споялъ неподвижный, безъ слезъ на глазахъ.

— Ничего! произнесъ онъ глухимъ голосомъ, смопря на волосы. — Болѣе ничего! . . . . И одинъ! . . .

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ СЦЕНЫ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Справ.
Предисловіе отъ переводчиковъ	I.
Предисловіе отъ сочинителя.	V.
Наслѣдственная мещь.	1.
Масперская	19.
Непослушаніе	105.
Бракъ	170.
Наказаніе.	224.

ЦѢНА:

На любской бумагѣ 3 руб.

На веленовой . . . . 4.